

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ

Ежемесячная газета Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России

С праздником Великой Победы!

*Тех событий вестник неперемный,
Майский ветер обежал страну
И швырнул на каждую антенну
Радостную радиоволну.*

*И, в домах не в силах оставаться
От таких волнующих вестей,
Люди выходили обниматься
На просторы гулких площадей».*

Эдуард Асадов

Накануне Великого праздника Дня Победы, мы обращаемся к суровым дням, когда стоял вопрос жизни и смерти для миллионов жителей Ленинграда. Когда ценою жизни, многих советских воинов, враг был остановлен на подступах к городу, а по льду Ладоги пошли первые машины с продовольствием для ленинградцев. Об этом новый роман петербургского писателя Сергея Раца, отрывок из которого автор прислал в газету.

К ноябрю 1941 года запасы продовольствия в Ленинграде были исчерпаны. Навигация, которая позволяла по Ладож-

Парад Победы

*Шаг чеканный. Отточены взмахи и руки.
Мавзолей. Сталин. Важность момента.
На Параде Победы идут моряки —
Развеваются клещи и ленты.*

*Над Берлином — дожди,
над Москвою — пургу
Помнят. Штопали пулями дыры.
На трибуне ладонь, приложив к козырьку,
Сам Верховный в парадном мундире.*

*В мраке вражьих знамен —
страх смертельной вины —
Тяжело вниз летят, будто гири.
И шумит, словно море, в столице страны
Площадь Красная — главная в мире.*

Борис Орлов

скому озеру снабжать город продуктами, закончилась. Партийное и советское руководство осажденного города предпринимало решительные меры по созданию в кратчайшие сроки дороги по льду озера.

О непростой судьбе Бестужева-Марлинского — отважного и талантливого гражданина России рассказывает Сергей Терминасов.

► Стр. 7

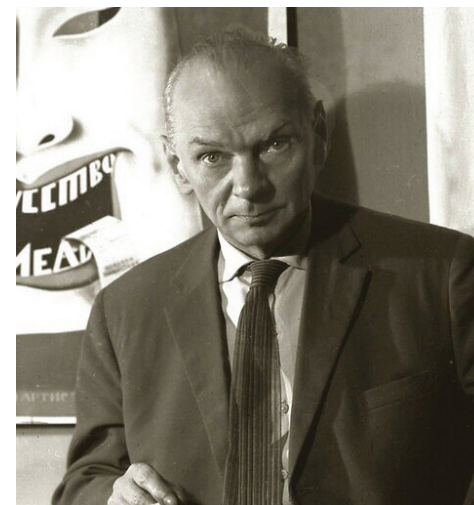
40 лет Чернобыльской трагедии. Вспоминаем тех, кто закрывал Ленинград от радиоактивного облака.

► Стр. 10

Отрывок из романа Сергея Раца «Огненные рубежи Ленинграда 1941–1942»

► Стр. 11

В апреле исполнилось 125 лет со дня рождения Николая Акимова

► Стр. 15

Помним, гордимся, чтим

только весной сорок пятого. Героем Советского Союза и генерал-лейтенантом.

Я лично видела, как одна из пришедших на спектакль зрительниц — Анастасия Борисоглебская, узнав в одном из Героев рассказов Кокосова своего деда — Ивана Орлова, участника штурма рейхстага, благодарилась после завершения спектакля втора за сохранение Памяти.

Просто удивительно, как Виктор Николаевич Кокосов смог собрать такой уникальный материал, обработав и систематизировав огромное количество архивов, дневников, воспоминаний, фронтовой прессы времён Великой Отечественной войны, и, что заслуживает отдельной благодарности, смог придать этим бесценным документам форму, удобную для восприятия современным читателем и зрителем...

Культурная повестка городских мероприятий всё стремительней приближается к 9 мая, Великому Празднику Победы. Но Литературный спектакль «Долг Памяти» созданный по рассказам и очеркам писателя Виктора Кокосова, предлагает зрителям вернуться в год сорок первый. И, вместе с ополченцами, красноармейцами, краснофлотцами, их командирами и генералами, пройти трудными дорогами войны от Ленинграда до рейхстага.

Но главное, конечно, замечательные короткие рассказы Виктора Кокосова. О том, как Ленинград готовился к войне. Об ополченцах. О бойцах-женщинах, закрывавших вражеские дзоты свои телом (об этом вообще мало кто даже слышал!). О попавших в плен

Все литераторы знают: прозу читать нелегко, да и воспринимается она в больших количествах зрителями в наше время с трудом. Как же удалось члену Союза писателей России Виктору Кокосову, который выступал и в качестве ведущего, и в качестве чтеца, держать концертный зал Санкт-Петербургского Дома национальностей в напряжении полтора часа?

Писатель (пользуясь советами режиссера Андрея Богданова) построил спектакль в виде коротких последовательных рассказов, между которыми звучали песни войны и песни о войне в исполнении Владимира Комогоорцева и Полины Регентовой, Геннадия Левченко и Фёдора Кучина, которым охотно подпевали многочисленные зрители. Именно созданная в зале атмосфера соучастия в действе и сделала его интересным.

командирах, оказавшихся во главе восстания узников Бухенвальда. О расписавшихся на рейхстаге ленинградцев и... о генерале Фёдоре Волкове, вручавшем Золотые Звезды Героев легендарным Егорову и Кантарии. Это замечательный человек ушел бить германцев еще из Петрограда в 1916-м, молодым солдатом, заработал за храбрость три Георгия, но оказался в поверженной вражеской столице

В конце спектакля в концертном зале прозвучала знаменитая песня «День Победы». Но зрители ещё долго не расходились, благодарили автора и артистов. Выражали надежду, что этот литературно-музыкальный спектакль надолго войдет в культурную программу Санкт-Петербурга — города-героя Ленинграда.

Елена Бабошина

Цитата месяца

“ Гордость за родную Красную Армию, за наш великий народ — вот чувства, нераздельно владеющие нашими сердцами в День Победы. ”

Михаил Шолохов

XXI Международный Санкт-Петербургский Книжный салон 2026 года

С 21 по 24 мая 2026 года на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге уже в 21-ый раз пройдет фестиваль «Международный книжный салон». Главными темами события 2026 станут Год единства народов России, Год петербургской культуры, 200-летие Михаила Салтыкова-Щедрина, 225-летие Владимира Даля и 135-летие Михаила Булгакова.

Фестиваль «Международный книжный салон» стал важным событием для Санкт-Петербурга еще в 2006 году, но за время проведения из книжной выставки он вырос в масштабный праздник.

К нему готовятся тысячи людей и организаций — издательства, авторы, творческие объединения, библиотеки, книжные магазины и, главное, читатели. Ожидается, что в фестивале 2026 года примут участие такие известные писатели, как Евгений Водолазкин, Захар Прилепин, Татьяна Черниговская, Дарья Донцова и Юрий Поляков.

В рамках Книжного салона 2025 года впервые заработает футуристический лекторий нового формата — «Лаборатория ИИ», в которой были доступны две инсталляции, задействующие нейросети. Благодаря им читатели

смогли перевоплотиться в любимых литературных героев. А на площадке Дома книги расположилась видеостудия для обсуждения актуальных вопросов литературы с писателями в прямом эфире.

В новом сезоне главной темой оформления стендов и культурной программы станет Год единства народов России. Мероприятие организуют на площади более, чем 15 тысяч квадратных метров — обычно территория ограждается по периметру. Ранее вход был организован со стороны Дворцового проезда и со стороны Александрьевской колонны.

Писатель едет к читателям

Незадолго до праздника Великой победы член Союза писателей России Владимир Васильев побывал в селе Паша Волховского района Ленинградской области. Он выступил в культурно-спортивном комплексе перед жителями Паши и учащимися средней школы.

Это уже не первая встреча писателя с пашскими жителями. Каждая из них приурочена к выходу новой книги прозы или стихов. На этот раз состоялась презентация первой книги романа «Путь»,

действия в котором проходят неподалеку от Паши.

Владимир Васильев поделился творческими планами. Рассказал о переданной для печати второй части романа «Путь. Книга вторая» и рассказал о собранном материале для заключительной третьей части произведения.

В третьей книге автор расскажет о потомках героев первых двух книг, которые спустя почти полторы сотни лет начинали путь там же,

где и их предки. Но это была уже не водная, а сухопутная дорога через Ефимовский, Капшинский и Пашские районы к Ладожскому озеру. Она называлась ВАД-102. По ней к окруженному врагом Ленинграду везли продовольствие к Дороге жизни.

По окончании встречи писатель ответил на вопросы. Жители села получили книги с дарственными подписями автора.

Владимир Владимиров

В Петербурге простились с Владимиром Малышевым

И вспоминается многое

С Владимиром Викторовичем мы были знакомы с момента, когда я стал работать в Доме книги, но личное общение началось с 2022 года. Как — то раз, придя на встречу и подарив мне книгу Анатолия Дарова — Блокада, он сказал, что теперь при каждой встрече он будет мне дарить книгу, что он и стал делать с завидным постоянством, чем пополнил мою библиотеку несколькими десятками книг. Последней подаренной им книгой в апреле, стала поэма Маяковского «Хорошо» 1937 года издания.

Очень много он мне рассказывал про свою работу в Греции, в Москве, в Петербурге, часто советовал прочитать

ту или иную книгу. Его идеи удивляли современным подходом, как и знание ситуаций, и прогноз их развития.

Он знал огромное количество разнообразных людей и при обращении к ним, с его помощью или при его содействии, никто никогда не отворачивался и помогал в различных ситуациях, что подтверждало его нерушимый авторитет. Часто я отправлял работы молодых авторов на его оценку и каждый раз он полностью прочитывал материал и высказывал свое мнение, писал рецензии.

Он любил и жил литературой, историей, был главным

редактором нашей газеты, Книжной лавки писателей, которую любил и пестовал. Помня его глубокие знания истории и вещей, отношение к газете, мы продолжим его работу и постараемся сохранить его подход и живость подачи материала.

Ваша жизнь оставила след в наших сердцах. Вечная память Вам, Владимир Викторович.

**Виталий Федоров,
директор АНО «Книжная лавка писателей»,
ответственный секретарь Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России**

Последняя весна Патриарха. Не стало Владимира Малышева

Сочетание трёх слов в заголовке — это произвольная реакция на его уход. Тем более, что с «классическим» Патриархом ассоциируется скорее осень. Не только в эти дни его коллеги, друзья и просто читатели вспоминают его феерический жизненный путь. Путь разностороннего гуманиста и подвижника. Но лишь близкие к нему люди могли оценить человеческие качества Владимира Малышева. В первую очередь он являл собой пример человечности, порядочности, интеллигентности, выдержки. И ещё, будучи знакомым с многими известными людьми, он никогда этим не кичился. Он был Ленинградцем с заглавной буквы.

...за несколько дней до его ухода мы с ним встретились в Книжной лавке писателей на Невском проспекте. Владимир Викторович, возможно, что-то предчувствуя, был настроен на воспоминания о своём жизненном пути. О том, как его бывший сослуживец по командировке в Комали, став секретарём комсомольской организации ТАСС, пригласил Владимира Викторовича в Москву. Но для этого ему была необходима столичная прописка, следовательно, хоть какое-нибудь московское жильё. Малышеву удалось за счёт продажи «Запорожца» приобрести комнату, кажется, в Трёхпрудном переулке...

Он вновь вспомнил о своей журналистской работе в Италии и Греции. Чтобы закрепиться, а то и удержаться в Большой журналистике, ему пришлось направлять

в Москву на порядок больше материалов, чем это делали тассовцы из других европейских столиц. Себе в заслугу он ставил «неслужбное» издание в Афинах русскоязычной газеты. Как редактор он был неудержим. Недооценен и малоизвестен его вклад в дополнение Литературной газеты петербургским приложением «Невский проспект». Ему удалось сделать газету «Книжная лавка писателей» главным изданием для питерского (уточню: ленинградской) интеллигенции. При этом он проявил себя не только опытным редактором, литературоведом, но и популяризатором истории. Её осмысление автором десятка книг и кинолент подвигло не только к восстановлению часто затерявшихся имён и сюжетов, но настраивает на извлечение полезных уроков и выводов.

Неоднократные обсуждения с Владимиром Малышевым тех или иных фрагментов настоящего и прошлого запомнились суждением самого Владимира Викторовича: «...людей больше всего... интересуют... история, мемуары. Люди задумываются о том, что с нами было, и почему мы — самая богатая ресурсами страна в мире — живём ещё гораздо беднее своих европейских соседей. Ответ на этот вопрос мы ищем... в нашей истории, в уроках крушения императорской России и трагического распада СССР».

Впечатляет, так сказать, личностно-историографический, а заодно географический размах Владимира Малышева.

Среди героев его произведений — деятели культуры, ученые, изобретатели, военные: Тютчев, Достоевский, Набоков, Грибоедов, Гоголь, Некрасов, Грин, Павлов, Бехтерев, разведчик Быстролётов... А ещё Зворыкин, генерал Беляев, Плитирим Сорокин, Сикорский, Алёхин, династия Штигицев и многие другие. Для думающих читателей нет смысла уточнять, кто они такие.

Возвращение в народную память достойных забывания имён стало не просто творческой, но гражданской и даже жизненной потребностью Владимира Малышева. И всё это на фоне популярного, одновременно публицистического раскрытия — иногда в детективной ауре — событий в странах его пребывания. По сумме качеств и результатов своего поиска он был воистину Патриархом среди, в лучшем случае, претендентов на этот статус.

И ещё деталь. На мою просьбу о встрече в Греции с интересным рассказчиком Малышев тут же набрал афинский номер и на греческом языке договорился со своим знакомым-музееведом.

Во время нашей последней встречи мы о многом не договорили... А на Невском проспекте торжествовала солнечная весна. Почему-то пришла на память строчка из песни Визбора: «Да, уходит наше поколение рудинством в нынешних мирах. Словно полужесткие крепления. Или радиолы во дворах»...

Борис Подопригора

Он писал тексты, в которых смыслов было больше, чем слов

Ушел Владимир Викторович Малышев. Историк, писатель, журналист-международник — хотя любые определения здесь кажутся тесными.

Мы привыкли к тому, что медийное пространство сейчас заполнено быстрыми суждениями и неглубоким смыслом. Малышев был из другой категории авторов. Он умел держать дистанцию (и временную, и интеллектуальную), которая позволяла ему видеть логику событий там, где другие видели лишь хаос.

Главной чертой Владимира Викторовича была почти исследовательская дотошность. Его работа с историей — будь то обстоятельства гибели Есенина или хитросплетения работы спецслужб — никогда не строилась на дешевых сенсациях.

Он не «оживлял тени прошлого», он реконструировал

правду. В его текстах за строгим академизмом всегда чувствовался азарт репортажа, которому важно дойти до первоисточника, до документа, до личного свидетельства.

Он владел редким сегодня навыком: писать о сложных, порой болезненных вещах без надрыва, сохраняя трезвость ума и достоинство слога.

Для меня Владимир Малышев всегда был образцом петербургской профессиональной этики. Это особая порода людей, которых невозможно представить суеязящимися или пытающимися подстроиться под сиюминутную повестку.

Годы работы в Греции и других странах наложили отпечаток на всё, что он делал. Это был широкий взгляд человека мира, который при этом оставался глубоко укоренен в русской культуре и петербургском контексте.

Он задал планку качества, ниже которой опускаться в нашей профессии нельзя.

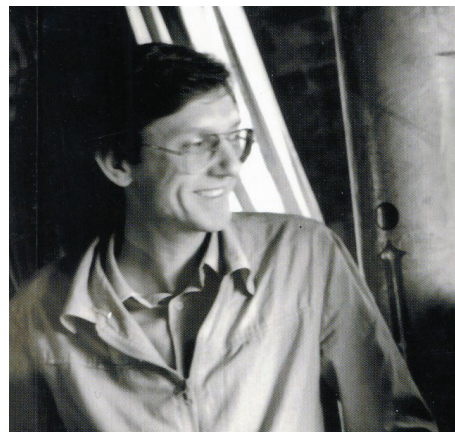
Когда уходят такие люди, остается не пустота, а тишина, которую нечем заполнить. Нам будет не хватать его ироничного взгляда, его спокойной уверенности и, конечно, его текстов, в которых всегда было больше смыслов, чем слов.

Его книги — не чтение на один вечер. Это фундамент для тех, кто хочет понимать, как на самом деле устроена история и человек в ней.

Мои искренние соболезнования семье и близким Владимира Викторовича.

**Марина Шишкина,
депутат
Законодательного
Собрания Санкт-Петербурга**

Дорогой Владимир Викторович...

Почему-то, несмотря на высоту его статуса и возраста, я никогда не называла Владимира Викторовича по отчеству, каждое моё письмо с новыми материалами для газеты начиналось: «Здравствуйте, дорогой Владимир!». Потому что он, правда, дорогой — и для Петербурга, и для всех нас.

Он давал мудрые советы, был щедрым на добрые слова, знал Петербург и петербуржцев, соединял творческих людей, придумывал новые проекты.

20-го апреля я, как обычно, отправила Владимиру Малышеву материал для газеты, а потом мне сообщили, что адресата больше нет... И меня до сих пор не покидает чувство, что это неправильно. Мы все привыкли, что он есть: писатель, книжный человек, петербургский интеллигент... И таким он для нас останется.

**Арина Обух,
писатель, художник**

А сколько он нашел, соединил...

Чтобы «Книжную лавку писателей» читали во всей России, я, с ведома Владимира Викторовича, передавал газеты в подмосковный и псковский Пушкинские заповедники, в лермонтовские Тарханы, грибоедовскую Хмелиту, есенинское Константиново музей Н. Г. Чернышевского в Саратове, дома-музеи Корнея Чуковского в Переделкино и Льва Кассиля в Энгельсе (По-

кровске), музей-заповедник В. Г. Белинского в городе его имени, бывшем Чембаре.

Я отчитался Владимиру Викторовичу, что номера газеты доставлены в Чембар, и узнал, когда он руководил отделением ТАСС в Афинах, с ним свяжались проживавшие там томки О. В. Белинской-Бензис и передали бесценные документы и семейные реликвии. Владимир Викторович

переслал их в единственный в России и в мире музей великого критика.

Ведущий сотрудник Музея-заповедника В. Г. Белинского Любовь Михайловна Руднева, сообщила — пояснительные надписи «От В. В. Малышева» сопровождают соответствующие экспонаты до сих пор.

Лев Барон

Уходя, остаешься...

1. Рождение газеты

Шесть файлов с материалами выстроились в ряд на экране компьютера — семь страниц газеты «Книжная лавка писателей» вычитаны и готовы к отправке в верстку. Остается сделать девять полос и № 120 будет готов к печати. Впереди майские праздники, газета должна выйти раньше обычного, чтобы читатели ее получили до 1 мая. Так было всегда, со дня рождения ежемесячного издания и он старался держаться этого негласного правила.

Владимир Малышев хорошо помнил рождение газеты. Каждый день насыщен событиями. Много встреч с писателями, чиновниками правительства Санкт-Петербурга. Открывался Санкт-Петербургский Международный книжный Салон, а на Невском проспекте после ремонта распахивала двери историческая Книжная лавка писателей.

Он еще директор Дома писателей, но именно ему поручено выполнять предварительную работу по выпуску новой газеты. Обычно, уехав утром в Правительство Санкт-Петербурга, после обеда Владимир Викторович отправляется в издательство. Из издательства едет на Невский проспект в «Книжную лавку писателей», потом в Дом писателя. И только поздним вечером дома садится за компьютер, пишет и подбирает к печати, присланные ему материалы

новку помещению придаст кафе, где за чашечкой кофе можно будет пообщаться с единомышленниками.

В первый номер новой газеты войдут публикации Владимира Малышева и его же материалы под псевдонимом Андрей Соколов. Он напишет о проведении Круглого стола «Трагедия 22 июня 1941 года. Причины и уроки». Расскажет о выходе в Петербурге книги «Поэты Первой мировой войны». Посвятит страницу другу Петербурга профессору слависту, писателю и собирателю Рэнэ Гера, приехавшему на Книжный Салон.

Владимир Викторович, оставаясь директором Дома писателей, будет работать и над следующими номерами газеты. Его публикации станут выходить под псевдонимами Николай Самоваров, Егор Терпсихоров. Фамилия главного редактора нового издания Владимира Малышева впервые появится на последней странице лишь в № 30 от 30 ноября 2018 года.

Не посвященному в творческий процесс человеку мало что означала подготовка материалов, фотоснимков для 16 полос газеты каждый месяц. Но, читая «Книжную лавку писателей», петербуржцы каждый раз находили интересные истории о судьбах литераторов прошлых лет, новости литературы, рассказы о новых книгах, встречах писателей города с читателями. Проходило несколько дней и 1000 экземпляров газеты, размещенной при входе в магазин по адресу Невский 66, были разобраны.

2. Редактор

Со временем невольно возник и интерес к редактору. Становились известны некоторые строчки из биографии Владимира Малышева. В 1969 году он закончил восточный факультет Ленинградского государственного университета. Работал корреспондентом, заведующим отделением ТАСС, потом ИТАР — ТАСС в Италии и Греции. Сотрудничал с газетами «Известия», «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Россия», «Санкт-Петербургские Ведомости». Написал десятки книг в жанре политической публицистики. В 1982 году по его сценарию был поставлен политический приключенческий фильм «Тайны виллы Грета», имевший успех у зрителя. Работе в Греции были посвящены книги «Белое и Голубое», «Греческие тайны и секреты», «Тайны узника

тюрем «Коридалос», «Выстрелы на «Мойке».

С 2006 по 2012 год он был главным редактором газеты правительства Санкт-Петербурга «Петербургский дневник». В 2012 году по сценарию Владимира Малышева был снят приключенческий фильм «Вербовщик» о советском разведчике — нелегале Дмитрие Быстролетове. Впервые общественность узнала о судьбе скромного героя невидимого фронта.

Многое из жизни журналиста, писателя Владимира Малышева оставалось неизвестным. Да он и сам не стремился к публичности — сказывались долгие годы работы за рубежом. Однако его видение жизни, понимание справедливости, счастья жить насыщенной событиями жизнью, можно было узнать из публицистических заметок Владимира Викторовича.

Год 2016-й ознаменовался для него не только выходом первого номера газеты «Книжная лавка писателя». В книжном издательстве «Страта» вышла книга Владимира Малышева «Очерки о России и о русских». И, кто бы знал, читая десять лет назад, его полемические заметки, как они будут нужны всем нам сегодня!

«Хочу в Рио-де-Жанейро! Там все ходят в белых штанах!» — мечтал в свое время незабвенный Остап Бендер. Так и до сих пор многие жители нашей страны почему-то думают, что за границей — молочные реки и кисельные берега. Однако на самом деле лучше жить сегодня в России», — писал Владимир Малышев, не понаслышке знавший границу.

А эти его строки? Они будут сегодня им написаны: «... И чем больше крепнет Россия, чем дальше она отходит от левого космополитизма на позиции консерватизма, тем активнее возрождаются Церковь и традиции Православия, тем больше нас ненавидят и боятся. Отсюда и бешеная атака на Россию по всем фронтам.

Но все попытки сокрушить нас — напрасный труд. Как говорил Достоевский: «Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно... Ее назначение столь высоко, и ее внутреннее предчувствие этого назначения столь ясно, что тот, кто верует в это назначение, должен стоять выше всех сомнений и опасений».

«Итак, кто же мы русские? За чем и для чего мы живем и чем отличаемся от других наро-

дов? Куда идет Россия и, какова все-таки сегодня наша национальная идея? Почему именно в России жить лучше, чем в других странах, хотя многие думают иначе? В чем «высокое назначение» нашей страны, о котором говорил Достоевский, да и есть ли оно?» — задается вопросами Владимир Малышев и отвечает на них в серии небольших очерков.

В сборнике биографии русских людей, миниатюрные зарисовки о великих изобретателях, об отважных воинах, замечательных поэтах и писателях, славных путешественниках и мореплавателях, о русских святых. Он рассказывает о гениях и талантах, которые были незаслуженно забыты, оболганы, или о тех, кто был выброшен из страны большевиками и прославился далеко от родной земли, имена которых долгое время запрещались. О тех, кто прославлял Россию, кем мы по праву, должны гордиться!

«Судьбы их так необыкновенны, мужество и стойкость изумительны, а заслуги так велики, что так и хочется вслед за великим Суворовым снова и снова повторять слова, произнесенные им при взятии Измаила: «Мы — русские, какой восторг!» — пишет Владимир Малышев, предвзяв серию очерков о России и русских.

Отстранившись от воспоминаний, он садится за компьютер. Надо еще раз, перед отправкой в верстку материалов, посмотреть не упустил ли что. На седьмой странице идет «Дело твое сделано...» к 90-летию петербургскому поэту, прозаику, драматургу, одному из лидеров ленинградско-петербургской поэтической школы Виктора Соснора. Здесь же фотографии Соснора. Владимир Викторович вглядывается в лицо человека, прожившего удивительно насыщенную и сложную жизнь:

пережившего мальчишкой самую страшную блокадную зиму 1941–1942 года, вывезенного по Дороге жизни, отправленного к родственникам на Кубань и попавшего в оккупацию. В 1963 году Соснора был принят в Союз писателей СССР. Казалось бы, жизнь должна сложиться хорошо. Но неумный характер требует действий — он выступает против диктата цензуры, в защиту свободы творчества. Его перестают печатать.

«А сколько таких талантов пропало у нас, не успев даже заявить о себе», — хмурится Владимир Малышев, листает дальше и мысленно благодарит петербургского писателя Вячеслава Овсянникова, выпустившего интересную книгу «Прогулки с Виктором Соснорой».

«Петербург Николая Гумилева» — читает он материал, присланный Игорем Веремеевым. Читать заново не надо.

Автор надежный. Просматривает многочисленные снимки, среди которых и место рождения, и место расстрела. Отмечает «6-7 страницы» — и дополняет: «Продолжение. Начало на стр.1».

На 10 странице «Петербургские герои Чернобыля». Сорок лет назад в ночь на 26 апреля 1986 года на 4-м энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции близ города Припять Украинской ССР произошел взрыв атомного реактора. О тех, кто первыми бросился к очагу трагедии, кто приехал со всех концов страны, чтобы рискуя здоровьем, а то и жизнями заглушить радиацию, не дать ей дальше распространиться, написано много. Писатель Виктор Кокосов впервые рассказывает, как закрывали от «чернобыльского облака» северную столицу. Это председатель Комиссии радиационного контроля Ленинграда и области Владимир

Пох, врач по радиационной гигиене Валерий Ямсон, старший инженер — физик ОРГ Борис Карпов, другие высококвалифицированные специалисты.

С интересом читает Владимир Малышев «Беседы с русским народом» архиепископа Сан — Францисского, каким стал в эмиграции после 1917 года князь Дмитрий Шаховский. Казалось бы, он почти наизусть знает текст, но возникает желание вновь погрузиться в далекое прошлое, прочувствовать сомнения князя и понимание необходимости ехать на Святую гору Афон в Грецию, а потом заняться пастырством.

Открылась 14 страница. Владимир Викторович улыбнулся. Заметку «Вечный Алик» прислала Эмилия Кундышева. Она пишет для газеты со времени первых выпусков «Книжной Лавки писателей». Она российский писатель и журналист. Хотя и окончила Эмилия Ароновна Ленинградский политехнический институт, получила профессию физик и несколько лет отработала инженером, но так получилось, ушла из физиков в лирики.

Пробежав взглядом по небольшому тексту Кундышевой, не затем, чтобы отыскать ошибки, а насладится живым словом, Владимир Викторович открыл материал для 15 страницы. Он посвящен 125 летию со дня рождения выдающегося театрального режиссера и художника Николая Акимова. Хотя название «Как режиссер Акимов Сталина рассердил» и привлекало к прочтению, но на этот раз читать материал, поставленный под псевдонимом Николай Петров, автор не стал. Придирчиво посмотрел на эскиз к спектаклю «Дракон» и вместе с другими материалами отправил в верстку.

«Надо отдохнуть глазам», — думает он, отстраняется от компьютера и переводит взгляд на залитое солнечным светом окно.

3. С думой о России

16 апреля Санкт-Петербург переживал самый теплый день с начала года. Температура установилась на восемь градусов выше климатической нормы и не собиралась опускаться. Температура воздуха колебалась возле 18 градусов тепла, ветер дул с запада. Синоптики обещали на следующий день, 17 апреля, похолодание.

Вспомнив прогноз синоптиков о приближении скандинавского циклона, пожившись, словно почувствовав под рубашкой холод, Влади-

мир Викторович решил отложить прогулку на послеобеденное время. Надо было заглянуть в Книжную лавку писателей. А вась жара к тому времени спадет. А пока можно радоваться за прогуливавшихся по бульвару молодых людей, многие из которых сбросили с себя не только плащи, но и остались в одних рубашках.

«Как скажешь, что живешь на Конногвардейском бульваре, сразу начинают завидовать, мол, у тебя кругом музеи, особняки бывших и влиятельных царских сановников, Новая Голландия, Нева, — усмехнулся Малышев и перевел взгляд с компьютера, где в отдельной папке хранились еще не просмотренные материалы для газеты на окно, завершая мысль: — Посмотреть бы, как они на моем месте распорядились временем, которого на длительные прогулки нет».

Вспомнил, как задумал выпустить к «Литературной газете» приложение «Невский проспект». Пришел домой сразу поделился с женой, Татьяной, радостной вестью, мол, все со всеми согласовал и увидел ее ироничную улыбку. Она понимала, муж взял на себя еще одно ответственное дело, которое уплотнит его и без того напряженный рабочий день.

В Книжной Лавке писателей 4 сентября 2019 года прошло рабочее совещание. В нем приняли участие главный редактор «Литературной газеты» Максим Замшев, его заместитель Леонид Колпаков, председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борис Орлов, глава Союза писателей Петербурга Валерий Попов, директор «Книжной лавки писателей» Любовь Пасхина и председатель правления АНО «Книжная лавка писателей» Владимир Малышев.

Обсуждался проект выпуска приложения к «Литературной газете». Было решено, начиная с 4 сентября 2019, в каждом номере выходит приложение «Невский проспект»: две полосы материалов о литературной жизни Санкт-Петербурга, подготовленных писателями Северной столицы. На страницах «Невского проспекта» читатель найдет информацию о новых книгах писателей Петербурга, об истории и культуре города на Неве.

Теперь кроме ежемесячного выпуска газеты «Книжная лавка писателей» у Владимира Малышева появилась еще одна забота — еженедельно отсылать в Москву материалы для приложения «Невский проспект». Писал сам, подбирал лучшие публикации петербургских писателей.

Откуда бралась творческая энергия, время? Об этом Владимир Викторович никогда не задумывался. Книжная лавка писателей давно стала его вторым домом, местом, где он, находил второе дыхание. А как могло быть иначе, если по его определению Книжная лавка писателей не магазин, а писательский клуб, особое историческое, культурное пространство на Невском проспекте.

Чтобы его понять, стоит, наверное, прочитать последнюю страницу сборника Владимира Малышева «Очерки о России и русских». Там есть замечательные строки, написанные Владимиром Викторовичем десять лет назад, и близкие нам сегодня: «... Да немало, конечно, еще и тех, кто живет у нас сейчас бедно. Падающие цены на нефть и ослабление рубля больно бьют по экономике, негативно отражаются и на наших кошельках. Язывы коррупции, произвола чиновников все еще, увы, продолжают разъедать Россию. Но то положение, что произошло после страшного погрома 90-х, разве это уже не чудо? И нет других, лучших слов, чем те, которые сказал о нашей стране уже упомянутый великий Тютчев, которого мы уже не раз цитировали:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней — особенная статья,
В Россию можно только верить!*

И не только верить, добавим мы. Но и делать что-то для России. Вот в этом — смысл жизни, в этом и есть наша сегодняшняя национальная идея: честно и усердно работать для России. Каждый пусть приносит крупицу. Каждый на своем месте. Ведь даже те, кто работает, кажется только для себя и для своей семьи, тоже работает для России».

16 апреля Владимир Викторович зашел в Книжную лавку писателей, встретился с директором Виталием Федоровым. Рассказал ему об интересных статьях, заметках, которые перед майскими праздниками будут опубликованы в газете «Книжная лавка писателей». Хорошая подборка материалов петербургских писателей подготовлена и к отправке в Москву. Они будут опубликованы в приложении «Невский проспект» в «Литературной газете».

Прощаясь, Владимир Малышев обещал зайти в Книжную лавку писателей после выходных. Прошел по залам, внимательно посматривая на стеллажи книг, постоянно в помещении, где обычно проходит встречи писателей с читателями и неторопливо вышел на Невский проспект...

Владимир Васильев

Истинный петербуржец

Владимир Малышев на презентации своего путевого. Санкт-Петербург. 15 декабря 2018

В сентябре 2013 года мы с Владимиром Викторовичем Малышевым поехали в Грецию — проводить пленэр и выставку петербургских живописцев от фонда «Созидающий мир». Каждый день нашего двухнедельного тура был крайне насыщенным: ранний подъем, посадка в автобус с художественными принадлежностями, поездка в новое место, затем примерно двухчасовая экскурсия и следом несколько часов — непосредственно пленэр. Для проведения экскурсий и помощи в ориентировании на местности мы, как положено, привлекли профессионального русскоговорящего гида, который отлично справлялся со своими обязанностями. Но самое интересное начиналось после официальной экскурсии, когда, не пользуясь микрофоном и картами, о Греции начинал рассказывать Владимир Викторович. Человек с университетским образованием, филолог, владеющий пятью языками, эрудит, несколько лет проработавший непосредственно в Афинах, он, безусловно, знал о Греции очень много, написал об Элладу не одну книгу и к тому же был хорошим рассказчиком. Однако при этом Владимир Викторович был необычайно скромным и совершенно не давил авторитетом. Все его рассказы начинались с желания помочь, дать столь необходимые туристам подсказки и комментарии, показать художникам, где самые живописные виды, объяснить, чем славно то или иное место.

Первым пунктом назначения в нашей программе, конечно же, стала столица — город Афины. Посетив Акрополь, мы гуляли по историческому кварталу Плака с живописными улочками и старинными площадями, уютными кафе и тавернами. Площадь Монастираки, Башня Ветров, церковь Преображения Господня, Старый Университет, Синтагма, Парламент, Национальный сад, Олимпийский стадион и... Невозможно перечислить даже самое важное. А Владимир Викторович все рассказывал, и благодаря поведенным им историям казалось, что время в центре шумной столицы остановилось.

В следующие дни под предводительством Малышева мы побывали в Микенах, где Генрих Шлиман нашел свой легендарный золотой клад, увидели античный театр в Эпидавре, наши художники запечатлели на холстах живописный мыс Сунио, известный своим прекрасным закатом у храма Посейдона. Особенно запомнилась поездка в Дельфы — место, где древним грекам виделся пуп земли, здесь давал пророчества дельфийский оракул. Затем,

после посещения известной тканями коврами в народном стиле горной деревни Арахова, по предложению Владимира Викторовича наша группа отправилась в красивейший портовый город Нафплио. Ведя нас по залитому солнцем променаду вдоль гавани, Малышев с воодушевлением рассказывал истории грозной крепости Паламиди и романтического замка Иц Кале.

Из порта Пирей по предложению Владимира Викторовича группа отправилась на остров Спецес. По пути наша аэролодка делала остановки в нескольких очень живописных местах, и несколько раз некоторые художники даже предлагали более не тратить времени на плавание и, чтобы немедленно начать писать этюды, выйти до места назначения. Но мы продолжили путь — ведь выбор Малышевым именно этого острова был отнюдь не случаен. Дело в том, что Спецес больше, чем другие греческие острова, связан с Россией. Именно здесь установлен бронзовый бюст графу Алексею Орлову, в 1770 году одержавшему победу над турецким флотом в Чесменской бухте. Здесь же, на Спецесе, есть музей и памятник, посвященные национальной героине Греции Ласкарине Бубулине — участнице вооруженной борьбы греческого народа за независимость от Османской империи. Героине греческого освободительного движения отличалась храбростью, на собственные средства построила корабль «Агамемнон» и содержала армию повстанцев. За проявленное мужество российский император Александр I присвоил Бубулине звание адмирала Российского флота и подарил монгольский меч.

Мы провели в Греции удачную творческую экспедицию, результатом которой стало более ста произведений, но при этом отдельно стоит отметить, что благодаря выбору маршрута Владимиром Викторовичем все живописные холсты, созданные двенадцатью художниками из Северной столицы на этом пленэре, так или иначе связаны с Россией.

На торжественном открытии итоговой выставки «Греция глазами русских художников» в Российском центре науки и культуры города Афины Владимир Викторович представил собравшимся свою книгу «Афинский корреспондент. Необыкновенные приключения «за бугром». Документальные истории, которую мы издали незадолго до путешествия. Автор «Историй» искренне и увлекательно рассказывал о своей журналистской работе в Греции, в которой произошло немало невероятных приключений, удивительных событий и интересных встреч, о своей жизни вдали от Родины — которую он любил больше всего.

Детство и юность Владимира Малышева прошли в Ленинграде, в самом его сердце — на Васильевском острове: здесь он жил, окончил знаменитый «тридцатку», затем Ленинградский университет. Потом в его жизни было много поездок, командировок, путешествий по разным городам и странам. Но в любой точке мира он всегда оставался истинным ленинградцем-петербуржцем — интеллигентным, отзывчивым и неизменно доброжелательным. Двадцать лет назад Владимир Малышев окончательно вернулся в родной Петербург, много работал во благо российской культуры и много писал о городе на Неве — его замечательные исторические путешествия известные едва ли не каждому читающему горожанину. Книги Владимира Викторовича интересны и очень информативны, но главное — это послания доброты петербуржца петербуржцам в подлинном значении этих слов. Таким мы его и запомним. Такими и постараемся быть.

Наталья Берзина

Нам его будет не хватать

Двадцатого апреля 2026 года произошло чрезвычайное, очень неприятное событие: умер Владимир Викторович Малышев. Почти 82 года — возраст, как иногда говорят, «смертный». А не верится. Покойный... но и это не о нём... Я видел Малышева в гробу, бросал горсть земли, и все же не могу осознать его покойником. Ушедший от нас... Усопший... Да просто Владимир Викторович, и всё!

Не верится, потому что Владимир Викторович был поразительно жизнелюбивым, оптимистичным человеком. Теперь будут вспоминать все его заслуги, и непременно скажут, что он был журналистом высокого класса. Несомненно, и это правда. Владимир Викторович был профессионалом, каких больше не делаем. Не потому, что в 1969 году окончил итальянское отделение Филфака ЛГУ, да еще изучал персидский и арабский на Восточном факультете.

Каждый год филфак и восточный оканчивают сотни людей — в основном кстати говоря, девицы.

Далеко не все из них свободно овладевают даже двумя обязательными языками. Владимир Викторович говорил, писал и читал на английском, греческом, итальянском и французском. Хуже, но понимал арабский и персидский. Как-то он со смехом перевел персидскую фразу на итальянский — на итальянском она приобретала эдакий... почти неприличный смысл. Владимир Викторович переводил и весело смеялся.

Он вообще нес свои знания легко, — было заметно, что без напряжения...

Журналист он и не потому, не только потому, что много лет работал за границей, — корреспондентом и заведующим отделениями ТАСС, потом — ИТАР-ТАСС в Италии и Греции. Он сделал прекрасную карьеру — долго трудился и в центральном аппарате этого телеграфного агентства.

Журналист он в первую очередь потому, что потрясюще умел работать с информацией. Для определения темы — мгновенное умение увидеть важное и интересное. Раскрывая тему, рассказывал этом хорошим литературным языком — и так, чтобы было ясно каждому.

Писал стремительно: мог сделать большую статью буквально за 2-3 часа. Но при этом — безукоризненный русский язык, ни одного сомнительного утверждения, ни одного не проверенного факта.

Малышева любили в «России» и в «Литературной газете», в «Советской России» и в «Красной Звезде», глубоко уважали в «Известиях» и в «Санкт-Петербургских ведомостях». Помнили в журналах «Иностранная литература», «Дружба народов», «Новое время», «Вокруг света», «За рубежом».

Непрерывно скажут, что Малышев был хорошим писателем. И это тоже правда. Многие журналисты пытаются писать книги... не у всех получается. У Малышева получалось. Как чаще всего бывает, писатель начал с «профессиональной темы»: политики современной Италии. Начал со сценариев: в 1983 по сценарию Малышева на киностудии «Мосфильм» снят политический триллер «Тайна виллы «Грета»»... Тут Малышев в первый, но далеко не в последний раз «влез» в непростую тему — деятельность масонов. Дело в том, что эти ребята, независимо от экзотических ритуалов и исторических пристрастий, активно занимаются политикой — не брезгуя террором, убийствами, связями с мафией. Готовили они и политический переворот — на деньги ЦРУ, вместе с неонацистами.

О том же совместная в Э. Ковалевым книга «Террор: вдохновители и исполнители», уже без всякого соавторства — «За ширмой масонов» (1984), «Процесс над мафией» (1989).

Тут же — почти поэтические страноведческие книги об Италии: «Пиния на ветру. Очерки о современной Италии», «Вечный город?». Не помню, когда первый раз прочитал «Пинию...». Перечитываю до сих пор.

Книги Малышева стали переводить в Германии, Армении, Франции Латвии.

Такой же колорит в книге, посвященных Греции: «Белое и голубое. Очерки о современной Греции» (2000), «Русские в Греции» (Афины, 2002), «Греческие тайны и секреты» (Афины, 2003), путеводитель «Русские Афины»,

Тут же и остросюжетные детективы, а для Первого канала на Ленфильме в 2012 году по сценарию Малышева снимают приключенческий фильм «Вербовщик», — о похождениях советского агента.

Одновременно с детективами, с географическими описаниями рождается серия увлекательных научных-популярных книг о загадках истории. «Тайны царей» — о драмах и секретах русских правителей (2013). «Мифы и загадки нашей истории» (2014). Вместе с В. Кичеджи пишутся «Загадки барона Штиглица» (2015).

«Русская Атлантида» (2015) — о невероятных биографиях людей, вынужденных бежать из России. «Герои, жертвы и злодеи. Сто лет Великой русской революции» (2017) — о крушении Российской империи.

Малышев любил Петербург. Я бы даже сказал — наш город он всегда тонко чувствовал. Только вернулся в 2006 году из Греции, как стал главным редактором правительственной газеты «Петербургский дневник». В газете валом шли эссе и статьи по истории города... Писал их некий А. Соколов... То есть все тот же Малышев, разумеется.

Почему уклон в историю? Он сам объяснил это в интервью: «...людей больше всего сейчас интересуют именно история, мемуары, люди задумываются о том, что с нами было, и почему мы — самая богатая ресурсами страна в мире — живем еще гораздо беднее своих европейских соседей. Ответ на этот вопрос мы ищем в прошлом, в нашей истории, в уроках крушения императорской России и трагического распада СССР».

То, что писалось в газете под псевдонимом, потом собиралось в книги, выходявшие уже под настоящей фамилией: «Литературные тайны Петербурга», «Петербург: необыкновенные биографии».

«Петербургские тайны: занимательный исторический путеводитель» (2012) вышел в двух томах: «Город и его камни» и «Город и его люди».

Малышев всегда старался объективно оценивать вклад любого деятеля культуры — независимо от времени жизни, подданства и политической позиции. В числе героев его статей и книг — Грибоедов и Шишкин, Некрасов и Грин, Павлов и Бехтерев, Сикорский и Алехин, Питирим Сорокин и Набоков.

Почему появился целый «букет» псевдонимов? Николай Самоваров, Андрей Соколов, Егор Терпсихоров? Потому что Малышев «слишком много писал». «Приходилось» делать вид что работают несколько человек. И все равно не все идеи смог сам воплотить.

Достоверно знаю, что как минимум две книги о Петербурге написаны с «подачи» Малышева.

Третья — это одна из моих книг! Владимир Викторович подсказал мне такое направление, — написать о Петербурге, как о родине высоких технологий. В нашей переписке есть такое место: «Гений места — это сам Петербург, который гений порождает. Дух гения места над нами витает...» Эти слова Малышева я сделал эпиграфом к книге.

Творческий человек редко бывает хорошим организатором, — разве что перестав сам что-то делать.

Это не о Малышеве! В 1900-2000 годах в Греции создал несколько русскоязычных газет: «Афинский курьер», «Российский вестник», «Русская мысль — Афины-инфо», да еще и деловой журнал «Бизнес с Россией».

С 2012 года — директор Дома писателей. Газету «Литературной лавки» он фактически создал; ее Малышев редактировал, я бы сказал, любовно. Лавка писателей была для него таким... почти священным местом. И газету он сделал по-настоящему хорошей.

Многие напишут о том, что 20 апреля 2026 года от нас ушел журналист, писатель, организатор. Высоко оценят содеянное — и справедливо. Но мало кто скажет о не менее важном: он был очень жизнерадостным человеком. Очень светлым, добрым и доброжелательным.

Уверен это прямо связано с успешностью. Кто хмур, напряжен, вечно всем недоволен? Слабак, которому жить физически трудно — ни на что не хватает энергии. Неудачник — тратит огромные усилия, а получается одна книжка раз в пять лет... которую никто не прочитает.

Лучший способ успеха — делать много, на полную катушку — но в той сфере, где лучше всего получается. Как большинство успешных людей, Малышев был энергичен. Они успешны, потому что много работали. Малышев работал очень много, но ведь и результат великолепный — десятки книг разных жанров, и эти книги читались.

Успешные жизнелюбивы — они занимаются тем, что им интересно, и доставляет удовольствие.

Не собираюсь копаться в его личной жизни — но и тут у Владимира Викторовича все было в порядке.

Жизнь была к нему ласковой? В который раз убеждаюсь — каждый делает жизнь такой какой захочет. Малышев сделал свою жизнь успешной, наполненной смыслами. И доброй. Он жил добродушно и радостно. А что? Плынут облака, летают ласточки, пишутся книги, а вокруг — приятные, добрые люди.

Так по какому поводу хмуриться?

Светлый и жизнерадостный, Малышев жил с улыбкой. Не может быть, чтобы его никогда не оскорбляли; чтобы в детстве его не наказывали, а в молодости никто его не обижал. Наверняка бывали у него и печальные дни, но не помню случая, чтобы он не был позитивно настроен, радостен и улыбки.

Однажды беседовали сразу после выхода Малышева из больницы. От слов сочувствия отмахнулся, ни о чем «больничном» не рассказывал. Хвалил один мой материал, «заказывал» другой...И улыбался. Радостно улыбался солнечному свету, тающему снегу, плывущим облакам...

Уверен, что Владимир Викторович вовсе не «устал» жить. Верю, что случайно принял не те таблетки — а то прожил бы еще немало лет.

И людей он любил. Не к чести писателей будь сказано — писатель редко хорошо отзовется другом писателе или его книге. о писателя...

Кто высоко оценит сделанное другим писателем? Человек состоявшийся. Тот, кому другой успешный — не конкурент. Так Алексей Толстой приветствовал Ивана Ефремова, а Бондарев ценил Богомолова. Автору сих строк помогали такие разные люди как Александр Бушков и Андрей Балабуха.

Обнуляющий успех другого — всегда неудачник.

Так вот — Малышев никогда не сказал ни одной гадости ни об одном писателе или журналисте. Да что там гадости! Он никогда не отозвался ни о ком даже нейтрально — только с похвалой. Малышев радовался успеху других.

Несколько раз он читал мне стихи никому не известных писателей — и всякий раз восхищался:

— Нет, ну как он здорово сказал!

Удивительное дело, но не могу назвать ни одного явного врага Владимира Викторовича. Наверняка были и враги, уж по крайней мере недоброжелатели... Но явных и откровенных — не сложилось. Конечно, чистой воды штампы: «его все любили». Так не бывает... Но ведь получается именно так.

Владимир Викторович любил жизнь, любил литературу, любил людей. Ему нравилось, когда у кого-то «получалось». Он скорее преувеличивал таланты коллеги, чем преуменьшал.

В этом он был совсем не похож на большинство собратьев по цеху, и очень похож на другого большого петербуржца — на Андрея Дмитриевича Балабуху.

Порой бывал требователен. Порой не принимал какие-то тексты. Порой жестко редактировал, выбрасывая до трети текста — и не только у начинающих. Но работать с ним было легко. И не только легко, — работать с ним было приятно.

Владимир Викторович словно создавал вокруг себя какое-то «поле» спокойствия, миролюбия и доброты. 20 апреля умер не только «знаковый» литератор Санкт-Петербурга. Умер хороший человек, с которым всем было хорошо.

Мы не раз вспомним его — по разным поводам. Лучший способ помянуть большого человека — продолжить то, что он делал. Давайте писать книги о Петербурге. Давайте продолжим выпускать хорошую газету Лавки писателей.

А еще давайте вспомним его улыбку, его доброжелательный характер. Его умение нести в мир спокойствие и доброту. Умение организовывать и управлять, никого не унижая, не стигая. А показывая человеку, в чем он силен и хорош.

Удивлен что на прощании с Владимиром Викторовичем было так мало людей... Менее 30. Эх, коллеги, коллеги... Он любил вас больше, чем вы его.

Конечно, жизнь продолжится и без Малышева... Но нам его будет не хватать.

Андрей Буровский

Лучший литератор среди декабристов и лучший декабрист среди литераторов

но говорить о некоем «бестужевском» духе в семье: их всех объединяло отношение к своим обязанностям в обществе, объединяла, наконец, ярко выраженная у всех братьев глубокая любовь к родине и страстная ненависть к деспотизму и крепостному праву...»

Единственный из литераторов «золотого века» Марлинский стал известен одновременно как ведущий литературный критик и автор романтических повестей и рассказов.

В письме из Кишинёва от 21 июня 1822 года Александр Сергеевич писал Бестужеву: «... Почитая прелестные Ваши дарования, и, признаюсь, невольно любя едкость Вашей сатиры, хотел я связаться с Вами на письме, не из одного самолюбия, но также из любви к истине. Благодаря Вам, как представителя вкуса и верного стража и покровителя нашей словесности».

А Александр Бестужев писал в дневниковых записях: «Я рвал на себе волосы с досады — сколько вещей я бы ему высказал Пушкину».

Встретится двум великим литераторам после 1821 года не довелось. В том же 1823 году

Александр Александрович Бестужев вступил в Северное общество декабристов. И один из немногих занимал там радикальную республиканскую позицию. Благодаря красноречию и умению убеждать Александр Александрович привлёк в общество многих активных участников событий 14 декабря.

Александр Бестужев вывел на Сенатскую площадь вместе со своим братом Михаилом лейб-гренадерский Московский полк по утренней, пустынной, заснеженной Гороховой улице. Впереди москвичей, развивающихся ротных знамен шел с обнаженной шпагой Александр Александрович Бестужев. Александр Александрович среди тех, кто оставался на площади до расстрела войск картечью.

На следующий день, единственный из всех участников вооружённого восстания 14 декабря адъютант герцога Евгения Вюртенбергского в парадной форме самостоятельно явился в Зимний дворец и строевым шагом дошел до главной дворцовой гауптвахты.

Александр Александрович Бестужев за то, что он умышлял на царевубийство, истребление императорской фамилии, уча-

ствовал в умысле бунта и лично действовал в мятеже, был приговорен «по первому разряду» к смертной казни отсечением головы. Затем приговор был заменен каторжными работами сроком на двадцать лет. Его направляют в далекий Якутск. Интересно, что по особому высочайшему повелению не в тюрьму, ни на каторгу, а на поселение. Александр Бестужев такой единственный из осужденных по первому разряду, остальные получили такую милость только через десять лет.

Бестужев приезжает в Тифлис, где происходит радостная семейная встреча с двумя младшими братьями Павлом и Петром. В марте 1830 года Александра Бестужева привезят в древний город Дербент, где он служит рядовым 1-й роты Грузинского 10-линейного батальона,

Недалеко от древних ворот в Дербенте сохранился небольшой двухэтажный домик. Здесь в позапрошлом веке были созданы романтические повести и романы о Кавказе, первым из которых был один из лучших романтических романов Марлинского «Испытание», опубликованный в журнале «Сын отечества» в 1830 году с пометкой «Дер-

бент». Слава талантливого лучшего писателя пришла уже к осужденному Марлинскому на Кавказе, опубликовавшего многие свои произведения за короткий срок.

В августе 1831 года предводитель горцев Кази-Мулла объявил газават и осадил крепость Дербент. Бестужев вынес с поля боя раненого солдата и на лекарственном пункте познакомился с высокой стройной девушкой, дочерью унтер-офицера Ольгой Нестеровой. Он понял, что встретил единственную женщину, которую до этого безуспешно искал. Бестужев сделал девушке предложение. В феврале 1833 года Оля Нестерова, балуясь, случайно выстрелила в себя из пистолета Александра и чрез несколько дней скончалась. На обратной стороне камня, установленного на ее могиле изображена сломанная роза с обломленными лепестками, а под розой единственное слово «Судьба».

После завершения экспедиции Александр Александрович возвращается. В Тифлисе он знакомится с русским генералом и грузинским поэтом Александром Чавчавадзе и его дочкой Ниной Грибоедовой.

«Мне Ваше имя называл Александр Сергеевич. Он был добр

к Вам» — так сказала Нина при знакомстве».

При следующей встрече именно вдова Александра Сергеевича Грибоедова сообщила Александру Бестужеву, что на дуэли смертельно ранен Александр Сергеевич Пушкин. С этого времени ничего уже не удерживало Александра Бестужева в этой жизни. Бестужев опять направляют в военную экспедицию. Он был убит с бою с черкесами 7 июня 1837 года. Наши солдаты преследовали горцев, Бестужев храбро сражался в первых рядах и не вышел из боя. Его тело не нашли, труп не удалось опознать.

Ни про одного участника движения декабристов не было столько легенд: его убил на дуэли муж хорошенькой женщины, утопился в реке Терек, Шамиль (предводитель северокавказского национально-освободительного движения) это — принявший духовенство Марлинский.

Эти Стихи Александр Александрович Бестужев- Марлинский написал про себя.

*Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло.*

**Сергей Терминасов,
краевед, историк.**

МЕРОПРИЯТИЯ В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ ПИСАТЕЛЕЙ

МАИ

04.05 в 17:00 **Татьяна Захарова.** Союз писателей России. Презентация книги «Стержень»

04.05 в 19:00 **Ирина Жаркова.** «Приглашаем в Летний сад». Творческая встреча

06.05 в 19:00 **Ирэна Сергеева.** Творческий вечер в честь Дня Победы

07.05 в 19:00 **Ангелина Саратовцева.** Школа литературного мастерства.

Лекция «Как написать успешный любовный роман»

08.05 в 17:00 **Павел Алексеев, Михаил Грушевский.** Союз писателей России.

Показ фильма «За кефиром», посвященного Великой Отечественной войне

12.05 в 19:00 **Михаил Кураев.** Союз писателей России.

Презентация книги «Кому не нужна наша история»

13.05 в 18:30 **Юлия Андреева.** Лекция «Михаил Фокин. Романтики симметрии русского балета»

14.05 в 19:00. **Вера Орловская.** Презентация книги «Автопортрет. Стихи. Переводы»

19.05 в 19:00 **Сергей Адамский.** Творческий вечер

20.05 в 19:00 **Виктория Жданова.** Презентация книги «БЫТЬ»

21.05 в 19:00 **Александра Щеголева.**

Лекция «Фэйки, ставшие канонами: 10 историй о гениях и шедеврах»

22.05 в 19:00 Издательство «Алетейя»

26.05 в 17:00 **Екатерина Блынская.** Творческая встреча

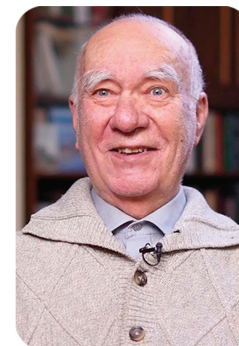
26.05 в 19:00 Межсезонье. Поэтический вечер. **Сергей Адамский и Ольга Козловская**

28.04 в 18:00 **Велта Кирьякова.** Союз писателей России.

Презентация борников ЛИТО «Бронзовый век поэзии и прозы»

Ирэна Сергеева

Михаил Кураев

РЕКОМЕНДУЕМ ПРИХОДИТЬ
ЗА 20 МИНУТ ДО НАЧАЛА
МЕРОПРИЯТИЯ В НАШ ЛЕКТОРИЙ.

АДРЕС: НЕВСКИЙ ПР., 66

ВХОД НА ВСЕ МЕРОПРИЯТИЯ
СВОБОДНЫЙ!

ВНИМАНИЕ!

В программе мероприятий
возможны изменения.
Следите за актуальной
информацией на сайте
www.lavkapisateley.spb.ru

Петербург Николая Гумилева

Этот замечательный русский поэт часто менял свои петербургские адреса. Он прожил на берегах Невы 35 лет, но при этом ни разу не упомянул названия города, в котором родился и в котором впоследствии погибнет, в своей лирике. Петербург же продолжает бережно хранить память о нерасстрелянном голосе Гумилёва и его удивительную адресную книгу...

Гумилев в юности

Родился Николай Степанович 140 лет назад на острове Котлин, в Кронштадте, в дворянской семье корабельного врача. Сегодня Кронштадт — административный район Петербурга, а не отдельный город-порт, как это было прежде. Так что можно с уверенностью говорить, что Гумилёв — коренной петербуржец. Тем более что детство он провёл в Царском Селе, которое Пушкин называл своим Отечеством.

В Царском Селе Гумилевы жили по адресу: Московская ул., 42, но до наших дней этот дом не сохранился. Учился в Царскосельской гимназии, но всего несколько месяцев и из-за болезни перешел на домашнее обучение. После этого Гумилёвы переехали из Царского Села в Петербург, наняли квартиру в доме купца Н. В. Шалина по адресу: Пб., 3-я Рождественская ул., 32/8 (угол Дегтярной), которая сегодня носит название 3-я Советская.

Поступил в гимназию Гуревича по адресу: Лиговская ул., 1/43 (угол Бассейной ул.), а ныне это Лиговский пр., 1/43. Но вскоре Гумилевы снова сменили место жительства — переехали на новую квартиру (Невский, 97, кв. 12). Там он обставил свою комнату картонными латами, оружием, шлемами, доспехами, а также заселил ее попугаями, собаками, тритонами и прочей живностью.

"Мое детство было... волшебным, — вспоминал потом Гумилев. — Я был колдовским ребенком. Я жил в каком-то мною самим созданном мире, еще не понимая, что это мир поэзии". Но то было в детстве, в условном мире поэзии — он рано начал писать стихи, — в мире же реальном все было иначе. А потому позднее Гумилев, словно предчувствуя свою трагическую судьбу, писал о Петербурге так:

*Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором
можно
В Индию Духа купить билет?*

*Вывеска... кровью налитые буквы
Глядят: Зеленная, — знаю, тут
Вместо капусты и вместо
брюквы
Мертвые головы продают.*

*В красной рубашке, с лицом, как
вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на
самом дне...*

В 1900 году у его старшего брата Дмитрия обнаружился туберкулез, и Гумилевы уехали на Кавказ, в Тифлис, лечить сына. Но уже в 1903 году они возвратились в Царское Село, где на этот раз проживали по адресу: Средняя ул., дом Плубояринова (угол Оранжевой ул.). В Царском Селе подросток Николай вновь поступил в Царскосельскую гимназию в 7-й класс. Но учился, согласно его биографам, плохо. Его даже хотели отчислить, но директор гимназии настоял на том, чтобы оставить на второй год. Весной 1906 года Николай Гумилёв всё-таки сдал выпускные экзамены и 30 мая получил аттестат зрелости, который не блистал хорошими отметками. Зато еще до окончания гимназии на средства родителей была издана первая книга его стихов «Путь конквистадоров».

*Мы прекрасны и могучи,
Молодые короли,
Мы парим, как в небе тучи,
Над миражами земли.
В вечных песнях, в вечном
танце
Мы воздвигнем новый храм.
Пусть пьянящие багрянцы
Точно окна будут нам...*

Рецензию на сборник написал сам уже знаменитый тогда Валерий Брюсов. После этого Гумилев считал его своим учителем и покровителем.

Романтические цветы

С Анной Горенко (Ахматовой) он познакомился, еще будучи гимназистом в Царском Селе. Причем Николай тогда Анне ужасно не понравился. Но был настойчив. Чтобы произвести на нее впечатление, перелез через решетку в сад вдовствующей императрицы Марии Федоровны, нарвал роскошных цветов и подарил Анне «букет императрицы».

В 1908 году издал сборник "Романтические Цветы". На деньги, полученные за сборник, а также на скопленные средства родителей, он отправился во второе путешествие — Турция, Греция, Египет... В Каире у Гумилева кончились деньги, и он вернулся в Петербург. По 1917 год он проживал по адресу: Таврическая ул., 35/1, кв. 25 (угол Тверской ул.), ныне Таврическая ул., 35/1 — "Башня" Вячеслава Иванова.

Некоторое время жил на 5-й линии Васильевского Острова, в доме 10. Носил приталенное пальто а-ля Пушкин, цилиндр, а также подводит брови и красил губы. В поэтических кругах того времени это было принято и называлось — "исправлять внешность". В своей комнате, которую он на парижский манер называл «агелль», поэт развесил шкуры зверей, завел черепаху, попугая и змею. Именно там разгорелся его роман с Елизаветой Дмитриевой, писавшей под псевдонимом Черубиной де Габриак, с которой познакомился во время учебы в Сорбонне.

Но «гулял» в цилиндре Гумилев недолго. 5 апреля 1910 года

он подал прошение ректору университета о разрешении вступить в брак. А 25 апреля в Николаевской церкви села Никольская слободка Остерского района Черниговской губернии он стал мужем Анны Ахматовой. Но свое первое предложение он сделал еще весной 1907 года, но получил отказ. Попытался покончить с собой, но неудачно. Вскоре сделал второе предложение, вновь получил отказ и вновь пытался покончить с собой. Но в итоге все-таки добился своего.

Африка и война

Некоторое время Гумилев и Ахматова жили опять в Царском Селе. А через два года после венчания на Васильевском острове, в знаменитой клинике Отто (Менделеевская линия, 3), на свет появился их сын Лев Гумилев, который, который, отсидев в тюрьмах и лагерях, стал потом знаменитым ученым-историком. А в 1912, несмотря на то что супруги жили в Царском Селе, Гумилев снял комнату в Петербурге по адресу: Тучков пер., 17, кв. 29, чтобы "иметь угол" ближе

к Университету, где он пытался восстановиться.

К тому же в двух шагах отсюда — Волхонский переулочек -2, на квартире его друга Лозинского, образовалась тогда же редакция их общего поэтического журнала «Гиперборей». Но муза дальних странствий страстно влекла поэта, его мечтой стала таинственная Африка. За день до отъезда он вдруг заболел: температура была за сорок. Всю ночь бредил. Но на рассвете, побрился, выпил стакан чая с коньяком и уехал.

Гумилев много путешествовал по Африке, бродил по пустыням, испытал множество приключений. Всем запомнились его строчки:

*Сегодня, я вижу, особенно грустен
твой взгляд
И руки особенно тонки, колени
обняв.
Послушай: далёко, далёко, на
озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

В Аддис-Абебе русский поэт побывал на парадном приеме у самого негуса. В Хараре познакомился с расом Тэфэри, впоследствии ставший императором Хайле Селассие I. Поэт подарил будущему императору ящик вермута. В результате своих путешествий Николай Гумилев стал одним из крупнейших исследователей Африки. Привёз в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) в Санкт-Петербурге богатейшую коллекцию.

Дуэль на Черной речке

Вернувшись в Россию, Гумилёв стал посещать знаменитую «Башню поэтов» Вячеслава Иванова, где завел множество новых литературных знакомств. Вновь встретил Елизавету Дмитриеву, с которой познакомился в Сорбонне, у них завязался роман. Но девушка предпочла Гумилёву другого знаменитого тогда поэта — Максимилиана Волошина. Осенью, когда скандально разоблачается личность Черубины де Габриак — литературной мистификации Волошина и Дмитриевой, Гумилёв позволил себе неместно высказаться о поэте, Волошин публично дал ему пощечину и получил вызов. Дуэль состоялась 22 ноября 1909 года на Черной речке, как и у Пушкина. Волошин стрелял дважды, но каждый раз была осечка, Гумилев же демонстративно выстрелил вверх.

25 апреля 1910 года Гумилев женился. Его женой стала Анна Горенко, ставшая знаменитой поэтессой Анной Ахматовой. При активнейшем участии Гумилёва был основан «Цех поэтов», в который, кроме Гумилёва, входили Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Сергей Городецкий, Елизавета Кузьмина-Караваева (будущая монахиня «Мать Мария», погибшая в эмиграции во Франции в застенке гестапо) и др. В 1912 году Гумилёв объявил о появлении нового художественного течения — акмеизма, который провозглашал материальность, предметность тематики и образов, точность слова. Поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где изучал старофранцузскую поэзию.

Два Георгиевских креста

Но вскоре грянула Первая мировая война и Гумилев отправился добровольцем в действующую армию. Николай Степанович был зачислен вольноопределяющимся в Лейб-Гвардии Уланский Её Величества полк. 19 ноября состоялось первое сражение. За ночную разведку перед сражением он был награжден знаком отличия военного ордена (Георгиевского креста) и повышен в звании до ефрейтора. В 1915 году на Западной Украине (Вольнь) он получил 2-й Георгиевский крест, которым очень гордился.

Узнав об этом, Анна Ахматова написала своему маленькому сыну Льву:

*Долетают редко вести
К нашему крыльцу.
Подарили белый крестик*

Твоему отцу. В окопах поэт оставался вплоть до января 1917 года, а потом решил перебраться на Салоникский фронт и отправился в Русский экспедиционный корпус во Францию. Но прибыв в Париж, проходил службу в качестве адъютанта при комиссаре Временного правительства. 10 апреля 1918 года поэт вернулся в советскую Россию в то время, когда из нее многие уже бежали. Поселился на три месяца по адресу — Литейный пр., 31, кв. 14.

"Тщеславный, отчаянно храбрый мальчишка, — писала про него поэтесса Ирина Одоевцева, — он хотел быть всегда и везде первым..." Проиграв как-то забег, рухнул в обморок и едва не покончил с собой, когда взрослые засмеялись, видя, как неловко он взобрался на лошадь. Он ведь и некрасивость свою пытался побороть волей: часами стоял перед зеркалом, "гипнотизируя" свое косоглазие».

Только такой поэт и смог написать знаменитое стихотворение «Капитаны» об отважных покорителях морей:

*...Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.
Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса...*

Роман с «Валькирией революции»

Несмотря на брак с Ахматовой, у Гумилева было немало других романтических приключений. В 1916-м в богемном варьете «Привал комедиантов» он познакомился с Ларисой Рейснер. Дочкой профессора, поразительно красивой внешности, но девушкой весьма свободных взглядов, охотницей на знаменитостей, которая потом вошла в историю, как «Валькирия революции».

Николай Гумилев и Лариса Рейснер

«Он некрасив, — писала Рейснер о Гумилеве. — Узкий и длинный череп, безжалостный лоб, неправильные пасмурные брови, глаза — несимметричные, с обворожительным пристальным взглядом... Я бы могла пойти с ним хоть на край света».

Персонажем Рейснер была любопытным. «Валькирией революции» ее прозвали недаром. Она стала женой замечательных покорителей морей:

Семья Гумилевых

стителю Троцкого по морским делам, а потом командующего Балтийским флотом Федора Раскольникова, любовницей Троцкого и Карла Радека. Именно ее Всеволод Вишневский вывел в образе бесстрашной женщины-комиссара в своей пьесе «Оптимистическая трагедия», которая нам известна по одноименному фильму, снятому в советские времена.

улицы Марата, кв 15. Это была прежде квартира поэта Сергея Маковского, который сбежал от революции. А в 1919 Гумилев и Энгельгардт переехали в квартиру по адресу: Преображенская ул., д 5 (Радищевская ул.), в бывшую резиденцию брата премьер-министра Штюрмера.

Время было тяжелое, по квартире гулял холод, она плохо

отапливалась и жить можно было только в одной комнате, а прихожую Гумилев превратил в свой кабинет. Поэт распродал домашние вещи, чтобы купить пропитание. Но приглашал к себе собратьев по перу Мандельштама, Белого, Ходасевича, Оцу, Георгия Иванова, кормил гостей пшенной кашей и селедкой, обычным рационом тех лет.

Отчаянный храбрец

Не только на фронте Первой мировой, но и в годы красного террора в Петрограде Гумилев вел себя отчаянно смело. Ирина Одоевцева вспоминала, что однажды на вечер поэзии у балтфлотцев, он читал свое знаменитое стихотворение «Капитаны» и отчетливо проскандировал передувешанными оружием «братишками»:

*Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя.*

«По залу, — писала Одоевцева, — прокатился протестующий ропот. Несколько матросов вскочило. Гумилев продолжал читать спокойно и громко, будто не замечая, не удостаивая вниманием возмущенных слушателей. Кончив стихотворение, он скрестил руки на груди и спокойно обвел зал своими косыми глазами, ожидая аплодисментов. Гумилев ждал и смотрел на матросов, матросы смотрели на него. И аплодисменты вдруг прорвались, загремели, загрохотали. Всем стало ясно: Гумилев победил. Так ему здесь еще никогда не аплодировали...».

Гумилев везде не скрывал своих взглядов — открыто крестился на храмы. На одном из поэтических вечеров на вопрос из зала — «Каковы ваши политические убеждения?» он смело ответил: «Я — убежденный монархист». За все это поэт потом жестоко поплатился.

Последней любовью Гумилева была его ученица Нина Берберова. В день ареста поэта 3 августа 1921 у них было свидание. Проводив ее до дома, поэт вернулся домой в общежитие в Дом Искусств (набережная Мойки, 59) — бывший дом Елисеевых, где проживал в это время со второй женой Аней Энгельгардт. Там его и взяли чекисты по делу пресловутого «заговора Таганцева», что произошло около двух часов ночи. Друзья и деятели искусств пытались его спасти, писали петиции, но тщетно. В день расстрела поэт нацарапал на стенах камеры слова: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь. Гумилев».

Есть несколько версий относительно причастности поэта к заговору Таганцева. Соглас-

но советской, он участвовал в заговоре, по второй — он знал о заговоре, но не донес, что в те времена считалось преступлением. А по третьей, заговора не было вообще, он полностью был сфабрикован ЧК в связи с Кронштадтским восстанием.

Гумилев и еще 56 осужденных были расстреляны в ночь на 26 августа 1921. Место каз-

жену Аню Энгельгардт постигла страшная участь, ее нашли в пустой квартире, обглоданную крысами.

А самому Гумилеву голову не срезал палач, как он предсказывал в стихах, — его просто расстреляли. На расстреле поэт держался мужественно, спокойно выкурил сигарету. «Но, знаете, шикарно умер. Я слышал из первых рук. Улыбался, докурив папиросу... Мало кто так умирает», — признался потом один из чекистов.

До сих пор точно неизвестно место расстрела и захоронения поэта. Называются микрорайон Бернгардовка в долине реки Лубы, место «Лисий нос» недалеко от станции «Раздельная», Ковалевский лес в районе Ржевского полигона... Первая жена поэта Анна Ахматова считала, что Гумилев был расстрелян в районе Ржевка-Пороховые. Существует и несколько кенотафов (условных надгробий)

Гумилев Ник. Степанович

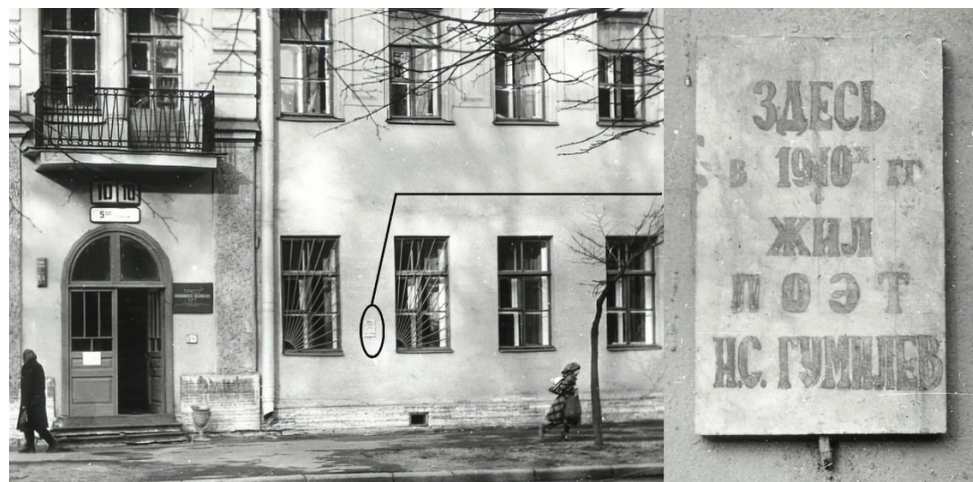
Тюремное фото Гумилева

ни и захоронения до сих пор неизвестно. Реабилитировали поэта только в 1992 году. Его мать не верила в расстрел сына. А он сам так и не узнал, к счастью, что позже его сестра Елена Гумилева потеряла в блокадном Ленинграде семейные хлебные карточки и от угрызений совести бросила их мать, которая умерла от голода в одиночестве. Сама Елена тоже умерла от голода и истощения в 1942 году. А его

в местах его предполагаемого захоронения.

Гумилев, как многие большие поэты, предчувствовал свою преждевременную смерть. «И умру я не на постели, / При нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще», — писал он в 1917 году в стихотворении «Я и Вы».

Игорь Веремеев

Дом на 5-й линии В.О., где жил Гумилев

Предполагаемое место расстрела поэта

Петербургские герои Чернобыля

В мае 1988 года в больнице умер председатель Комиссии радиационного контроля (КРК) Ленинграда и области Владимир Пох. Смерть его прошла незамеченной для пятимиллионного города. Хотя в траурную процессию могло бы выстроиться все население Ленинграда — каждый житель города был обязан Поху и его коллегам если не жизнью, то здоровьем. Своим и своих детей. О том, как 40 лет назад закрывали от «чернобыльского облака» северную столицу вспомним сегодня, когда в России поминуют добрым словом отважных ликвидаторов последствий страшной аварии.

... 29 апреля 1986 года врач по радиационной гигиене ОРГ Валерий Ямсон пришел на работу в отличном расположении духа. Около полудня зазвонил телефон. Ямсон услышал в трубке взволнованный голос инженера по технике безопасности треста «Гидроэлектромонтаж»: «Приехали наши люди из При-пяти. От них «светит»».

«Может, еще и греет? — усмехнулся Валерий Аронович. Конечно, он прочел в газете о чернобыльской аварии, но внимания этому сообщению не придал. Авария и авария. Где-то на Украине. При чем тут Ленинград? — Ладно, пусть приезжают к нам на Лиговку.

Через час в дверях ОРГ стояло 17 человек, в том числе двое маленьких детей. Сотрудницы отдела включили приборы — за шесть метров от двери они зашкаливали. Стало ясно — основная грязь осела на одежде и, открыв соседнюю комнату, людей завели туда. Позвонили в трест, попросили привезти какую-нибудь одежду. Вскоре доставили робы и рабочие ботинки. Сотрудники ОРГ сбегали за бутербродами, вскипятили чай и накормили нежданных гостей.

Вечером сотрудники отдела ушли домой с чувством выполненного долга и в полной уверенности, что Чернобыль для них кончился. Так считал и Ямсон, но... не успел даже поужинать — ему позвонил Заведующий ОРГ Николай Евгеньевич Карлин: «Поезжай в лабораторию, возьми защитную одежду, два прибора — и быстро на кафедру военно-полевой терапии! Устроив пострадавших удалось только в Военно-медицинскую академию».

Опасное эхо аварии

Больных предстояло хорошенько отмыть в душе. Но мыло оказалось обыкновенным. Ямсон мотался по городу в поисках специальных средств, а на часах уже — десять вечера. Наконец, в одиннадцатом часу начали мыть людей. Замерили — «светят». Снова всех повели под душ. Замерли — «светят». Опять стали мыть. Но — «светят»! Под душ, под душ! Потом пришлось всех постричь. С трудом разыскали ночью в академии ножницы, пластмассовую расческу. Парикмахером стал охранявший вход в ВМА солдат. По следам отмываемой группы отправились специалисты

ОРГ — обрабатывать загрязненные вещи и помещения.

В ночь на 30 апреля ленинградцы мирно спали, не зная, что началась глобальная атака чернобыльских выпадений. Осадки с повышенным содержанием радиоактивных веществ обрушились на Гатчинский, Волосовский, Кингисеппский, Ломоносовский, Лужский районы области, обогнув город с востока.

«Сухое дыхание» Чернобыля зафиксировали также в Зеленогорске и Сосновом Бору. Эхо аварии на ЧАЭС первыми «услышали» посты контроля Радиевого института, Института ядерной физики... надо было предотвратить проникновение в город радиоактивной грязи. Для этого ОРГ разрабатывались и ежедневно корректировались конкретные мероприятия. А 30 апреля состоялось заседание чрезвычайной противоземледельческой комиссии Исполкома Ленсовета. Вот протокол этого заседания, ставшего для города историческим:

«СЛУШАЛИ: О мерах по предупреждению распространения загрязнений и медицинскому наблюдению за лицами, прибывающими из зоны Чернобыльской АЭС.

РЕШИЛИ: Организовать круглосуточное дежурство, розыск, регистрацию и направление на санитарную обработку...лиц, прибывших из района Чернобыльской АЭС... Обеспечить прием и хранение загрязненной одежды, ценных вещей, документов от прибывших... Штабу гражданской обороны Ленинграда и области организовать постоянный контроль и информацию о состоянии радиационной обстановки города и области... Обеспечить дозиметрический контроль и при необходимости дезактивацию транспортных средств, прибывающих с Киевского направления... Организовать дежурство в праздничные дни и провести дозиметрический контроль в квартирах лиц, прибывших из района Чернобыльской АЭС... Для всех задействованных организаций установить сроки подачи информации...».

Меры были приняты

И меры были приняты. В разных точках Ленинграда замерялся воздух. Фон пре-

вышал значения в три раза. Проводились анализы воды, земли, молока. К счастью, все они оказались нормальными. Трижды в сутки старший инженер-физик ОРГ Борис Николаевич Карпов докладывал дежурному по ГУЗЛу значения гамма-фона. Называл только цифровые значения. Не дай Бог было произнести по телефону слово «микрорентгены» или что-либо в этом роде — разговор прерывался. Впрочем, возможно это были случайные совпадения?

Начались дежурства в аэропорту. Однажды «тормознули» соотечественника — участника велогонки мира. Поездка по Украине «стоила» ему 10 тысяч бета-частиц на велосипеде и порядка двух тысяч — на форме. Велогонку, конечно, не отменили...

Уже проверялись рынки, встал вопрос об открытии санпропускника. Решение об его организации было принято 4 мая, когда окончательно стало ясно — одна комната в ОРГ не может справиться с нагрузкой. Организацией санпропускника занялся Всеволод Германович Останин, впоследствии сменивший Карлина на посту заведующего ОРГ.

Закрыв баню в Дегтярном переулке, в ней устроили санпропускник — настоящий комплекс дезактивации. Кроме того, в нем находились буфет, парикмахер, представитель банка (для обмена загрязненных денег на чистые) и паспортника (для приема загрязненных документов и выдачи справок). Санпропускник заработал 7 мая. В первый же день туда пришли 95 человек. Через несколько дней цифра возросла до 600. Никаких объявлений на вокзалах и в поездах делать не разрешили, но — слухами земля полнится. На тот момент это был един-

ственный в стране (исключая пораженные аварийей районы) санпропускник. Даже из Киева в него помыться приезжали — и обратно на поезд.

Заместитель главы КРК Юрий Николаевич Шукин в это время по работе находился в Киеве, постоянно связываясь с Похом (даже условные фразы разработали (по косвенным данным им было ясно: Ленинград ждут тяжелые времена). И вот 15 мая Владимир Петрович услышал сквозь потрескивания в телефонной трубке усталый голос Шукина: «Надо закрывать «форточку»». На их языке это значило: все хуже, чем предполагалось, пора закрывать Ленинград.

Отряд отправился в Чернобыль

В кратчайший срок руководством Ленинграда была создана комиссия радиационного контроля из высококвалифицированных специалистов. КРК наделили широкими полномочиями. Но ленинградские специалисты нужны были и в Чернобыле. Туда направили большой отряд профессионалов из различных организаций и учреждений, имеющих отношение к атомной проблематике. В опасную зону направлялись и военные. Именно тогда смог оценить весь ужас происшедшей трагедии и наш земляк — молодой капитан Игорь Жуков, ставший заместителем командира комендатуры спецчастей внутренних войск. Ему и одиннадцати подчиненным довелось заниматься опасным, но необходимым делом — вывозом радиоактивных отходов.

И это в то время, когда Жуков с бойцами ежедневно воочию наблюдали в 30-километровой зоне вокруг ЧАЭС настоящее

кладбище автомашин самых различных марок. Но кто-то должен был заниматься порученной им проблемой! Кстате, ни один человек в спецкомандатуре на судьбу не жаловался — служба есть служба! Когда пошли грибы, капитан Жуков изумился — шляпки огромные, как в сказках! Ну и дела!...

Тем временем в Ленинграде тщательно контролировались продукты питания. На въезде в город появились посты, практически непрерывно работали мойки — проверялись все автомашины с южных направлений. Главная «точка» — Витебский вокзал — до десяти южных поездов в день, тысячи пассажиров. Иначе как героической и не назовешь работу студентов, преподавателей и сотрудников Технологического института имени Ленсовета (на их долю выпала проверка) во главе с начальником службы радиационной безопасности вуза, членом КРК Владимиром Ильичем Козинцом.

«Звенел» каждый десятый

Люди проходили сквозь специальные арки. Вскоре считали — «звенел» каждый десятый. Все вещи в чемоданах проверялись по принципу «чистая-грязная» (с радиоактивной точки зрения, разумеется). При любом превышении фона одежда забиралась на очистку. А ее владельца вели в Гостинный Двор и бесплатно одевали во все новое (на сумму до 200 рублей). Загрязненная одежда складировалась, потом ее дезактивировали.

В рекордно короткий срок под руководством Поха был разработан метод для специальной очистки одежды, — вспомнил Ю.Н. Шукин. Авторы разработки — Ленинградский институт радиационной гигиены, Лесотехническая академия, ЦНИИ «Прометей», объединение «Лотос». В итоге вычистили 30 тонн одежды и вернули владельцам (иногородним отсылали в посылках). А за небольшую часть чрезвычайно загрязненной одежды, которую пришлось уничтожить, людям выплатили деньги.

Ленинграду все-таки повезло. Чернобыльское облако, сделав хитрый финт, пронеслось над областью в сторону Скандинавии. Потом неожиданно вернулось и выпало на территории от Усть-Луги

до Радофинниково остатки радиоактивных слез. Охотслужба провела контрольный отстрел животных, и охота на волков, лосей, кабанов — всех обладателей густой шерсти — была скорректирована.

Невозможно подсчитать, сколько энергии, труда, сил, нервов затратили члены КРК. Каждый вопрос надо было пробить (у нас без сложных согласований ничего не сделаешь). Работа шла круглосуточно, потому что в борьбе с невидимым страшным врагом мелких вопросов не существовало. Все нити держал в руках Шукин, а главнокомандующим был Пох.

Да, закрыв город его спасли. Впору было представлять Поха к государственной награде. Но... только смертельно больному Владимиру Петровичу в 1988 году, к его 49-летию (знали — полвека уже не отметит) коллеги пробили грамоту Ленсовета.

Героев не забывают

... После смерти Поха КРК возглавил Шукин и успешно продолжил его дело. Как сложились судьбы других героев повествования? Валерий Ямсон много лет работал в отделе радиационной гигиены городской СЭС. К сожалению, он не дожид до наших дней. Игорь Жуков дослужился до звания генерал-майора МВД, защитил докторскую диссертацию. И сейчас мы с директором Санкт-Петербургского Дома национальностей Жуковым часто встречаемся в его кабинете на Моховой, 15 и вспоминаем героев тех давних незримых сражений.

А петербургские писатели не забывают участников ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Периодически проводят тематические встречи (в том числе и в доме писателя), пишут книги. Например, член СП России Владимир Семёнов непосредственно принимал участие в ликвидации аварии на АЭС, потому и рассказывает всегда эмоционально, но обстоятельно. А член Союза писателей России Юрий Шутов написал повесть о своём брате — ликвидаторе, в основу которой были положены реальные события и персонажи, связанные с той трагедией.

Виктор Кокосов

Огненные рубежи Ленинграда 1941–1942

В ноябре 1941 года войска вермахта предприняли наступление в районе Тихвина и в течение месяца удерживали город, пытались на реке Свирь соединиться с финнами, и тем самым полностью блокировать Ленинград, обрекая ленинградцев на голодную смерть. К середине ноября в городе проживало 1 миллион 200 тысяч граждан и более 450 тысяч военнослужащих Красной армии сражались на Ленинградском фронте. В ходе тяжелейших боев 9 декабря войска 4-й армии под командованием генерала-армии Мерецкова освободили Тихвин. Ставка Верховного главнокомандования требовала решительных действий по прорыву «стальной удавки» блокады. Понимали все: руководители страны, солдаты, матросы, простые граждане — город нельзя отдать врагу ни при каких условиях. Красная Армия сковала под северной столицей гигантскую «стальную удавку» вермахта, содержащую в своем чреве тысячи танков, самолетов, стволов артиллерии, 900 тысяч военнослужащих, и этот стальной многоголовый спрут, в случае потери города, мог бы обрушиться на Москву с северо-западного направления.

Середина ноября стала критической для защитников Ленинграда.

Смольный. Кабинет 1-го секретаря обкома и горкома РКП (б) А. А. Жданова. «Из журнала посещения А. А. Жданова» 20 ноября 1941 года 23.30 Присутствовали: 2-й секретарь горкома партии А. А. Кузнецов, Командующий Лен. фронтом М. С. Хозин, начальник штаба фронта Д. Н. Гусев.

Казалось, пепельно-серое лицо члена военного совета фронта Жданова, абсолютно спокойно. Его внутреннее напряжение выдавали дрожащие пальцы, когда он чиркал спичкой о коробок, закуривая очередную папиросу. При этом щеточка аккуратно подстриженных усов вздымалась и дрожала. Он медленно ходил по кабинету, плавно неся свою

уже отяжелевшую фигуру. Верхняя пуговица полувоенного кителя была расстегнута, и это придавало руководителю города домашний, неформальный вид. Он присел в кресло и, бросив на окружающих внимательный усталый взгляд, медленно с расстановкой холодно проговорил, пыхнув папиросой, обратившись к Кузнецову:

— Алексей Александрович, прошу Вас, прочтите указание Ставки, и оценку нашей с вами работы по защите города.

2-й секретарь горкома, член военного Совета подтянутый молодой 36-й мужчина в полевой форме, поправив ремень портупей, взял телеграмму в руку и, кашлянув, прочитал текст:

— Товарищам: Жданову, Хозину, Кузнецову. «Несмотря на неоднократные указания ставки прорвать блокаду Ленинграда, вы по-прежнему топчитесь на месте, не принимаете активных наступательных операций, тем самым ставите под угрозу уничтожения целого фронта и потери колыбели революции, города Ленина. Как это возможно? Как это расценивать? Коммуникации с Большой землей прерваны, а вы информируете, что «контрактуете». Однако Шлиссельбург и Мга по-прежнему под немцем, взят Тихвин. Видно, вы до сих пор не поняли, насколько ситуация серьезна. Предлагаем в трехдневный срок передать в ставку план наступательной операции по прорыву блокады, восстановлению коммуникаций. Не позднее 27 ноября начать операцию по деблокированию города. В противном случае ставка будет ставить вопрос о вашей персональной ответственности. Сталин, Молотов, Берия, Ворошилов.

Свинцовую тишину нарушили звуки далекой канонады и голос Жданова, казалось, исходил из подземелья:

— Товарищ Хозин, я не жду объяснений, а требую доклада,

что вы предполагаете предпринять? У нас нет времени на дискуссии.

Голос, который несколько мгновений тому назад был еле слышан зазвенел, свистящей сталью:

— Где вы планируете нанести удар и какими силами. Вы можете нам сказать?

Большоголовый высокий мужчина генерал-лейтенант от волнения покрылся багровыми пятнами, привстал со стула и севшим голосом промолвил:

— У нас есть реальный план и генерал Гусев его доложит прямо сейчас.

— Хорошо, Михаил Семенович, садитесь — резкий тон голоса Жданова стал мягче. Он все-таки был профессиональным партийным работником, умел подстегнуть товарищей по партии в нужную минуту.

Гусев привстал, держа в руке свернутую карту, совершенно спокойно обратился к Жданову:

— Разрешите, товарищ Жданов, я изложу идею контрудара с привязкой на карте?

Жданов только кивнул. Гусев по-деловому, тут же повесил карту на стенд и четко поставленным голосом начал доклад:

— Товарищ Жданов, это будет серия ударов. Невская оперативная группа с плацдарма Московская Дубровка с применением тяжелых танков, артиллерии, при поддержке авиации нанесет удар 27 ноября по батальонам 1-й дивизии вермахта по линии Арбузова, Высокие горы, Мга, Синявину с дальнейшим продвижением к 3-му рабочему поселку навстречу частям 54 армии Федюнинского. В это же время 80-я дивизия с приданным 1-м отдельным лыжным полком неожиданным ударом с севера рассекет оборону между Шлиссельбургом и поселком Липки. Задача полка разгромить тылы противника и сопутствовать успеху Невской оперативной группе. Вот такой замысел, товарищ Жданов. Такая операция, я уверен, прорвет кольцо блокады.

Жданов, несмотря на полную фигуру, быстро вышел из-за стола, энергично подошел к генералу Гусеву и, глядя на него снизу-вверх, спросил:

— Все, что вы сейчас сказали, реально?

— Так точно, товарищ Жданов, особенно надеюсь на вне-

запный удар 80-й дивизии по льду с севера. Враг этого не ожидает.

— Вы, уверены в успехе? — взгляд Жданова пронзил генерала, и он резко добавил, — Ваш план уже через три дня будет доложен ставке. Обратной дороги не будет. Вы, лично будите нести ответственность. Вы это осознаете?!

— Осознаю, товарищ Жданов.

— Ну, что ж, желаю удачи, под трибунал обычно попадают либо неудачники, либо спорщики, либо трусы. Я вам этого не желаю, а кто руководит 80-й дивизией?

— Командир дивизии полковник Фролов, дивизионный комиссар полковник Иванов, командир 1-го отдельного лыжного полка майор Маргелов — все опытные командиры, в Красной Армии служат с конца 20-х годов, участники войны с белофиннами, имеют правительственные награды.

На какое-то мгновение воцарилась пауза. Затем Жданов, выпустив струю дыма, обратился к генералу Хозину:

— Михаил Семенович, а как же ледовая обстановка, дивизия пройдет? В ней же есть орудия, минометы.

Козин попытался привстать, но Жданов движением ладони остановил генерала и только мирно проговорил:

— Сидите, сидите. Мы вас слушаем.

— Товарищ Жданов по данным гидрографов толщина льда по всему предполагаемому маршруту, а это предельно более десяти километров, составляет 15-20 сантиметров. Будут использоваться волокуши. Это сани с широкими полозьями, что в значительной степени снизит нагрузку. Правда встречаются полыньи. Думаю, к 27 ноября лед укрепитесь. Разведку льда в направлении Осиновец — острова Зеленцы — деревня Леднево — маяк Кареджи — провели моряки Ладжской военной флотилии и разведчики 1 дивизии НКВД. Это их зона ответственности. В ближайшие часы начнет действовать дорога по льду Ладоги. Сегодня прибыл генерал-лейтенант Лагунов, который за сутки вместе с военным прокурором Фуксом прошли весь маршрут от Осиновца до Кобоны и обратно на легковом автомобиле по прогибающемуся льду. Лед выдержал. Часть маршрута колонны 80-й дивизии пройдут вдоль ледовой дороги.

— А что сообщает разведка. Какие силы у противника в районе южного берега Ладожского озера. Вы можете сказать?

— Обороняет южный берег озера части 1-й дивизии вермахта. Они создали два укрепленных района Шлиссельбург — Липки. Между ними существуют отдельные «секреты» и патрулирование, сплошной обороны нет. Немцы традиционно ждут нашего очередного наступления с востока и юго-запада. Уверен нам хватит средств 80-й дивизии для прорыва обороны, плюс десятая дивизия резерва. В настоящий момент группа разведчиков из состава 2-го полка 1-й дивизии НКВД в составе 50 человек находится в пути. Они подтвердили отсутствие сплошной обороны по южному берегу, — бодро и со знанием дела доложил Гусев.

— Товарищ Гусев, чтобы Совет фронт не сомневался в успехе операции, вам придется лично руководить ею. Уверен, что товарищ Хозин меня поддержит, — с этими словами Жданов внимательно взглянул в лицо командующему фронтом, ожидая ответа.

— Товарищ Жданов я уверен, что товарищ Гусев оправдает доверие членов Военного Совета фронта.

— Хорошо товарищ Хозин, подготовьте приказ. А вы товарищ Гусев немедленно выезжайте в расположение 80-й дивизии и полка Маргелова и убедитесь, в каком состоянии находится уровень боевой и политической подготовки, — сделав выразительную паузу, добавил отчетливо, оглядев присутствующих тяжелым свинцовым взглядом, — Лично доложу Верховному об этой операции.

После чего буднично добавил, обратившись к начальнику особого отдела фронта, моллоду мужчине в форме комиссара госбезопасности 3-го ранга:

— Товарищ Куприн, в 80-й дивизии есть ваши люди?

Подтянутый молодой начальник особого отдела фронта, поправив портупей, встал во весь рост коротко доложил:

— Андрей Александрович, дивизию оперативно обслуживает целый отдел, в каждом полку по два опера по штатному расписанию.

— Вот и прекрасно, возьмите на карандаш, чтобы дурака не валяли, — удовлетворенно заметил Жданов.

— Слушаюсь, товарищ секретарь.

— И давайте перейдем товарищи к вопросу открытия ледяной дороги по Ладожскому озеру. Товарищ Кузнецов доложите, как обстоит дело с открытием трассы.

— Первый гужевой отряд Мурова на восточный берег уйдет сегодня. Через каждые пять километров созданы питательно-обогревательные пункты, организована воздушная и наземная оборона. Однако есть проблемы: лед на озере не достиг достаточной прочности, на нем часто появляются разводы и трещины, приходится менять трассы движения. По одному следу при толщине льда 18-20 сантиметров можно провести не более 50 машин. Наличие трещин приводит к возникновению торосов до 2-х метров высотой. Но все-таки

ледяная дорога, товарищи, сегодня открыта!

Последнюю фразу Кузнецов произнес прерывающимся голосом. Он был энергичным и эмоциональным человеком. Присутствующие переглянулись. Жданов крепко пожал руку Хозину и с подъемом, обращаясь к присутствующим, проговорил:

— Это очень важное сообщение, товарищи, город Ленина будет жить. Когда же прибьет первый груз?

— Ожидаем первые десятки тонн муки завтра 21 ноября. Их доставят гужевым транспортом.

Из оперативной сводки: «Согласно приказу командующего Ленинградским фронтом №00172 «Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро» 22 ноября первая автоколонна в составе 60 автомобилей марки ГАЗ-АА 388 отдельного автомобильного батальона под командованием капитана В. А. Порчунова вышла на ледовую трассу. Погода была ветряной, морозной. Столбик термометра показал минус 25 градусов. Водители соблюдали максимальную скорость 45-50 километров. Двери у автомобилей были открыты для безопасности водителя в случае неожиданного провала под лед. В кузов грузили не более 5-6 мешков муки, так как лед был еще хрупкий. В тот же день Ленинград получил первые 33 тонны хлеба». Ледовая дорога стала называться дорогой № 101 (ВАД-101), позже ее назовут Дорогой жизни.

Сергей Пау

«Дело твое сделано...»

90-лет исполнилось бы в апреле замечательному петербургскому поэту, прозаику, драматургу, одному из лидеров ленинградско-петербургской поэтической школы Виктору Сосноре.

Биография его была невероятной. Родился Виктор Александрович в 1936 г. в г. Алупка Крымской области, где тогда выступал его отец-ленинградец, артист цирка. Во время Великой Отечественной войны отец дослужился до полковника, командовал лыжными истребительными батальонами на Ленинградском фронте. Мать Сосноры работала на Невском машиностроительном заводе, где изготавливали гаубицы. В шестилетнем возрасте Соснора пережил блокадную зиму Ленинграда 1941 — 1942 гг., был вывезен по Дороге жизни на Большую землю и отправлен к родственникам на Кубань.

В результате оказался на оккупированной немцами территории. В семилетнем возрасте он трижды побывал в гестапо, а затем жил в партизанском отряде, которым командовал его дядя. Соснора стал у партизан связным. Этот отряд и его командир были расстреляны фашистами на глазах у мальчика. Он спасся только потому, что за четверть часа до расстрела сам был ранен в голову осколком мины. Он видел расстрел отряда сквозь застилавшую ему лицо кровь.

Чудом спасшегося мальчика нашел отец, ставший к тому времени командиром корпуса Войска Польского, и взял с собой на фронт. В роли «сына полка» Виктор дошел до Франкфурта-на-Одере.

Юный снайпер

Он научился метко стрелять, был определен в снайперы и стрелял в немцев, которые во время отдыха, сняв каски, неосторожно высовывали головы из окопов... «Отец командовал корпусом, и он хотел меня откормить, а получилось... Сначала дал мне дамский револьвер, чтобы я учился стрелять, и я начал с ходу, с первого же раза, бить в десятку. Врожденный снайпер. Он создал свой штаб, хвастался. И я пулял.

Мне достали легкую английскую винтовку, и я стал снайпером, и войну прошел не при штабе, а в окопах, с солдатами. Этим немцев я много прихлопнул... Наши окопы — здесь, а их — метрах в трехстах. Передышка — и у них, и у нас. В каске же не будешь все время гулять, вот он выглядывает из окопа, каску приподнимет, тук — и готов».

После войны Соснора с отцом, который продолжал служить в армии, долго еще колесил по городам и весям. Школьные годы провел в Варшаве, Ленинграде, Архангельске, Махачкале и Львове. Занимался в спортивных школах — лыжи, прыжки с трамплина (лыжно-го), фехтование, бокс, футбол. Еще учился в музыкальной школе и в Львовском институте прикладных искусств (не закончил). В 1954 г. переехал к матери в Ленинград. Работал грузчиком на Невском машиностроительном заводе.

В 1955 г. был призван в армию. Служил наводчиком на зенитках, вычислителем артиллерийских минометных частей. В районе Новой Земли был на испытаниях, связанных с «атомными экспериментами», где получил облучение. Демобилизовавшись в 1958 г., вернулся на тот же завод и работал слесарем-электромонтажником; одновременно (с 1962 г.) заочно учился на философском факультете Ленинградского университета, однако и его не закончил. Чувствовал у него — иное призвание.

Три сундука рукописей

Как он сам потом признавался, начал писать он во Львове в 1952 году. Однако, «уезжая навсегда в Ленинград, я — писал Соснора, — сжёг 3 сундука рукописей, 8 куб.м. «творчества». Стихи, драма в стихах «Иван Болотников», 2 романа в прозе: «Сказка о трёх ефрейторах с голубыми глазами» и «Чёрная месть» — из испанской жизни. Я сжёг большие тетради-дневники, исторические исследования, статьи о поэтике авангарда XX века. Да, ещё свои стихи, написанные на немецком, польском и украинском языках, т. е. сжёг целую литературу мальчишеско-юношеской чепухи. Мир праху».

Впервые стихотворения Сосноры, посвященные Древней Руси, были опубликованы в 1960 г. в газете «Литература и жизнь». Хвалебную сопроводительную статью к ним

написал знаменитый Николай Асеева, который высоко оценил дарование молодого поэта. Первый сборник стихов Сосноры «Январский ливень» также вышел с предисловием Н. Асеева. Центральное место в сборнике занимает стихотворный цикл «За Изюмским бугром. По мотивам „Повести временных лет“ и „Слова о полку Игореве“».

*Печенег шел на Русь,
в сталь
и мех наряжен,
только не подобрал
шел —
с ножом на рожон,
не слабец и не трус, —
получился просчет...
И кочевнику Русь обломала
плечо.*

Тема Древней Руси получила отражение и в двух последующих сборниках «Триптих» и «В садники». Поэта горячо поддержал академик Дмитрий Лихачев, который считал, что «Соснора поэтически домысливает летописные сказания». Положительно отозвались о стихах Сосноры Константин Симонов, Борис Слуцкий и др.

Важную роль в судьбе Сосноры сыграла Лили Брик. Благодаря ей его стихи стали известны за границей (сестрой Брик была известная французская писательница Эльза Триоле), а сам поэт побывал во многих зарубежных странах. Он стал известным, близко сошелся с поэтами Н. Заболоцким, В. Каменским, А. Крученых, Д. Бурлюком, художниками В. Татлиным и А. Зверевым. В 1963 г. Соснора был принят в Союз писателей СССР.

Пришлось писать «в стол»

В 1967 г. он открыто выступил в поддержку письма Александра Солженицына Четвертому Всесоюзному съезду писателей СССР — против диктатора

цензуры, в защиту свободы творчества. В результате его перестали печатать. Находясь под подозрением у властей, Соснора вместе с тем не пользовался поддержкой и либеральных кругов. Будучи единственным в своем роде «эстетическим диссидентом», мужественно переносил одиночество. В это время он работал в театрах и в студии научно-популярных фильмов. Первая книжка прозы «Власти и судьбы» вышла в 1986 г. Другие его произведения впервые увидели свет спустя более двух десятилетий после их создания. В России его

Ранее лауреатами премии «Поэт» становились Александр Кушнер, Олег Чухонцев, Тимур Кибиров.

Парадоксальный мыслитель

Интереснейшую книгу «Проголубли с Виктором Соснорой» выпустил петербургский писатель Вячеслав Овсянников, который подробно записывал разговоры с поэтом. С ее страниц Соснора предстает человеком невероятной эрудиции, парадоксальным мыслителем, которого, наверное,

поэтом нашего времени. То, что говорил Соснора на занятиях ЛИТО и как говорил, произвело на меня сильнейшее впечатление. Его речи опрокидывали все устоявшиеся, книжные представления о поэзии, поэзии, литературе, искусстве, рушили все шаблоны и трафареты. Авторитетов не существовало. Ценились только оригинальность и гениальность. «Голая гениальность», как выразился сам Соснора в одной из своих статей. Он сам и есть эта «голая гениальность». Потом Овсянников стал ходить к Сосноре на Ржевку, где тот жил, они подолгу гуляли, а потом он записывал, что Соснора говорил. Овсянников работал над книгой о замечательном поэте 30 лет, и она была опубликована благодаря субсидии Комитета по печати и взаимодействию со СМИ.

После клинической смерти

Последние годы Соснора жил одиноко в своей скромной петербургской квартире или на загородной даче отшельником, почти ни с кем не встречаясь, на модных тусовках не бывал. В 1981 году он перенес клиническую смерть, долго лежал в больнице и потерял слух. После этого, как говорили, стихи больше не писал, а только рисовал картины. Однажды он сам сказал: «Ещё ни один из уважающих себя поэтов не написал ни строчки после 70».

Что ж, может быть, он и был прав. Чтобы остаться в истории литературы, Виктор Соснора и так много написал и сказал. Овсянников приводит такие его слова: «Книга напишется, опубликуется — дело твое сделано. Дальше — неизвестность. Заметят, не заметят. Да и что толку. Рукопись Кагулла, в единственном экземпляре, пролежала где-то в монастырской рухляди более тысячи лет. Чудо! То же самое и «Дон Кихот» Сервантеса. Эту книгу забыли уже при жизни автора. А через триста лет ее обнаружил доктор богословия у торговца селедкой, тот заворачивал свой товар, то есть селедку, в страницы «Дон Кихота».

...Когда Соснора умер, то по его воле мероприятия, на которых могли бы звучать прощальные речи, не проводились. На 40-й день после смерти по воле поэта его прах был развеян над Ладожским озером вблизи Орехового острова.

Андрей Соколов

сборники: «37» (1993), «Верховный Час» (1998), «Куда пошел? И где окно?» появились в печати только в 1990-х гг.

*Прощай, Париж!
Летают самолёты, —
большое небо в красных параллелях,
дожди, как иностранные солдаты,
идут через Голландию в Берлин.
Прощай, Париж!
Я не уеду больше
туда, где листья падают, как
звёзды,
где люстры облетают, как
деревья,
на улицы квартала Вавилон.*

Соснора — автор нескольких десятков поэтических сборников и ряда прозаических произведений. Читал лекции в вузах Франции, США и Польши, лауреат литературных премий Андрея Белого (2004) и Аполлона Григорьева (1999). В 2011 г. он стал лауреатом престижной премии «Поэт».

Беседы с русским народом

Как мы уже писали в нашей газете, имя замечательного русского поэта Дмитрия Шаховского в России, к сожалению, сегодня мало кому известно. Еще менее известно имя архиепископа Сан-Францисского, каковым и стал в эмиграции после 1917 года князь Дмитрий Шаховской. Он учился в Царском Селе, жил в Петербурге на Фурштатской. Потом вдруг оказался монахом на Афоне, а дни свои закончил далеко за океаном, в Калифорнии, куда его забросили бурные годы революции. Его стихи и проповеди, в том числе и сборник «Беседы с русским народом», опубликованы сегодня в России.

Революция не дала ему возможности закончить Александровский императорский лицей, куда он поступил в 1915 году. «Помню эти дни, — пишет он в воспоминаниях, — я тогда жил на Фурштатской улице, напротив американского посольства (мысль о том, что я стану когда-нибудь американским гражданином, даже мухой не летала около меня). Помню, как с балкона этого посольства Родзянко произносил речь к толпе. Толпа стояла безмолвно. Никто, в сущности, не знал, как все сделалось и что сделалось». Видел он и Ленина. И об этом написал:

*Я помню, как в семнадцатом году
Пришлось мне часто ездить
мимо дома,
Где человек с бородкой, незнакомый,
Сулил довольство, обличал беду.
Историю я не слышал грома...*

Но гром грянул, в России началась Гражданская война. На юного князя обрушились страшные испытания. Шаховской оказывается добровольцем в Белой армии. Вскоре начались бои, и вчерашний лицеист встал на смотрелся крови и нечеловеческой жестокости. «Контуженного душевно и физически, меня эвакуировали в Ростов и положили в клинику, поили бромом...».

В госпитале Шаховскому исполнилось 16 лет. В эмиграции, сначала в Париже, потом в Бельгии князь устраивается неплохо, поступает в университет, живет со всеми удобствами в брюссельской квартире своей матери, редактирует журнал «Благонамеренный», пишет стихи. Известность получило его замечательное стихотворение, посвященное России:

*Хотя прекрасны дни былые,
А ныне чужд родимый край,
Но ты молчи, моя Россия,
И голосов не подавай.
Пройдут года, ты скажешь слово,
Тобой зажженное в ночи,
Но на закате дня людского
Ты, униженная, молчи.
Молчи и верь словам поэта:
Быстроизменчивы года.
Бывают ночи без просвета,
Но без надежды никогда.*

Его стихотворные сборники выходят один за другим. В журнале Шаховского со трудничают лучшие авторы русского зарубежья: Бунин, Цветаева, Ремизов, Ходасевич. И вдруг с молодым поэтом и редактором происходит нечто странное.

Указание свыше

Вот как он сам описывает это загадочное событие в своем дневнике: «Я сидел в редакции «Благонамеренного», занимаясь просмотром рукописей за письменным столом. Это была брюссельская квартира моей матери. Был я здоров, молод и совершенно ни о чем в те минуты не думал, кроме литературных задач, они занимали все мое внимание. И — вдруг — все исчезло. И я увидел перед собой огромнейшую Книгу, окованную драгоценным металлом и камнями, стоящую на некоей, словно древней колеснице. И на этой Книге была яркая ясная надпись русскими буквами: «Книга книг соблазна».

И в это мгновение молодой князь понял всю суету того, чего он занимался. Он понял это видение, как указание

свыше. Он бросает все, уезжает на Святую гору Афон в Греции и там, в русском монастыре Святого Пантелеимона, постригается в монахи, приняв имя отца Иоанна. Вернувшись с Афона, отец Иоанн окончил Духовную академию в Париже. А пастырство его началось в Югославии, в Белой церкви.

Потом его посылают в Берлин настоятелем Свято-Владимирского храма. Митрополит Евлогий вспоминал об этом времени, что «приход возглавил о. Иоанн Шаховской, человек даровитый, высокого аскетического склада, подвижнического духа, пламенный миссионерский проповедник. Он привлёк сердца; приход ожил и процвёл».

В начале 1946 года оказался в США. С 1946 по 1947 годы был настоятелем храма в Лос-Анджелесе, а потом стал архиепископом Сан-Францисским. С 1948 года периодически, с 1951 года — регулярно, а с 1953 года еженедельно на протяжении сорока лет вел на радиостанции «Голос Америки» передачу «Беседы с русским народом». В которой он ярко и убедительно рассказывал

о смысле жизни, о необходимости веры в Бога, о выдающихся людях исторической России, в том числе, и о писателях. Некоторые его рассказы мы уже печатали. В этом номере нашей газеты — текст его передачи, посвященный Достоевскому.

О Достоевском

В Нью-Йорке, в Чеховском издательстве, вышла ценная книга лучшего современного русского философа, Николая Онуфриевича Лосского: «Достоевский и его христианское миропонимание».

Как известно, Достоевский прошел через опыт суда, осуждения и каторжных работ. То, что пришлось пережить миллионам русских людей в течение последних десятилетий, то пережил Достоевский. Из

своего заключения и злострадания (которое было ярко описано им в «Записках из мертвого дома») Достоевский вышел победителем, душевно не сломленным, но наоборот, укрепленным и освобожденным от недостатков своей молодости.

Осужденный за свою связь с кружком Петрашевского, отбыв на каторге в Сибири четыре года, Достоевский вернулся к литературе с новыми силами, с новой глубиной жизненного опыта. Талант постижения глубин человеческой души выдвинул Достоевского, как мирового писателя, наряду с Данте, Шекспиром и Гёте...

Достоевский слишком ярко, его трудно затемнить или использовать в каких-либо политических целях... Достоевский гениально вскрывает бессмыслие построения человеческого общества на предпосылках материализма. Человек, по Достоевскому, есть существо духовно-физическое, в нем есть два мира — духовный и материальный, и он может нравственно-свободно духом возвышаться над материей. Всякий, кто прочтет его произведение и кто своим умом подумает над этими книгами, тот распрощается навсегда с утопической верой в то, что счастье человеческое можно построить на одних только материальных ценностях, отрицая в человеке его бессмертную — созданную Богом — душу...

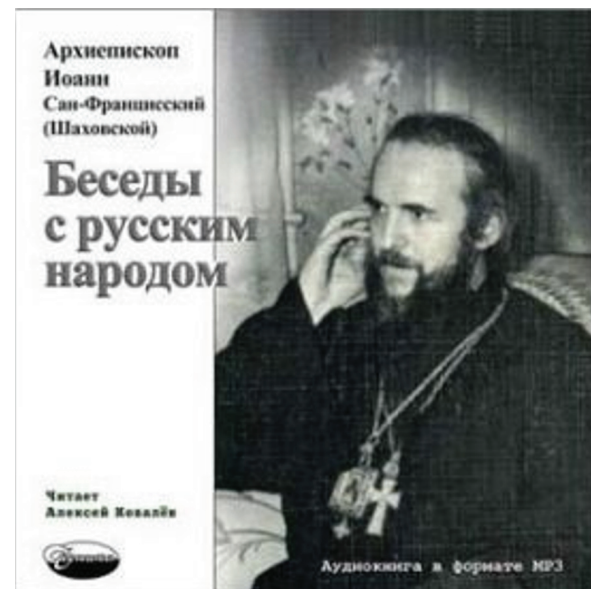
Счастливого общества или государства не может быть без счастья отдельных живых людей, неповторимых личностей человеческих. И чем человек делается лучше, выше нравственно, тем более высокое счастье он начинает ценить и понимать.

Достоевский остро вскрывает всю демоническую (анти-Божескую и античеловеческую) сторону принуждения людей материалистически. Достоевский показывает, что государственно-принудительное, безбожное счастье есть, в сущности, ад. Вдумайтесь в идею романа «Бесы». Это — пророческая книга о России и о ее судьбах...

Человечность Достоевского

В своей книге Лосский, на основании многочисленных материалов и источников, показывает личность Достоевского, его человечность. «В Тобольске, приговоренный к каторге Ястржембский, был близок к самоубийству; его удержало от этого поступка влияние Достоевского, который обнаружил в этом деле

мужественную натуру с женственной мягкостью» (Из материалов Ореста Миллера). Ценны характеры, в которых сочетается великое мужество и бесстрашие — с женской чуткостью и мягкостью в отношениях к другим людям. Приятель молодости Достоевского доктор Ризенкамф

говорит: «Федор Михайлович принадлежал к тем личностям, около которых живет все хорошо, но которые сами постоянно нуждаются. Его обкрадывали немилосердно, но при всей доверчивости и доброте он не хотел вникать в дело». Когда в 1843 году Достоевский и Ризенкамф наняли общую квартиру, это «чуть было не обратилось для Федора Михайловича в постоянный источник новых расходов. Каждого бедняка, приходившего к доктору за советом, он готов был принять, как дорогого гостя».

«Все забытые судьбою, несчастные, хворые и бедные находили в нем особое участие», — говорит другой свидетель жизни Достоевского. «Случается, — рассказывала жена его, — когда у моего мужа не найдется мелочи, а попросил у него милостыню вблизи нашего подъезда, то он приводил нищих к нам на квартиру и здесь выдавал деньги».

Вот еще характерный случай, рассказанный Анной Григорьевной Достоевской. В 1879 году (значит, когда Достоевский был уже известным писателем) какой-то пьяный крестьянин ударил на улице Достоевского по затылку с такой силой, что он «упал на мостовую и расшиб себе лицо в кровь». «В участке Федор Михайлович просил полицейского офицера отпустить его обидчика, т. к. он его прощает». Однако протокол был составлен, и делу был дан ход. Но

мировому судье Достоевский заявил, что прощает обидчика и просит не подвергать его наказанию. Судья, снисходя к просьбе Достоевского, приговаривает крестьянина лишь «за произведение шума» и беспорядка на улице, к денежному штрафу в 16 рублей, с заменой арестом на 4 дня.

Достоевский подождал своего обидчика у подъезда и дал ему 16 рублей для уплаты штрафа. Эти и другие факты показывают, что любовь к народу у Достоевского была не словесная, не теоретическая, но жизненная, живая, христианская...

На чем строится счастье

И видение мирового зла у Достоевского было глубоким, пророческим, даже, можно сказать, необычайным, среди писателей как русской, так и всей мировой литературы. Автор «Братьев Карамазовых» не только верно видел все изгибы зла, но и указывал верный путь борьбы со злом, путь Божией над ним победы, путь Христовой правды. Это он мог видеть потому, что душа его касалась огненного страдания за людей; и его любовь ко Христу и к людям прошла чрез большое испытание — и страдание — борьбы со злом в его собственной душе.

В произведениях Достоевского звучит могучее, правдивое обличение всех нравственных подделок и социальных утопий, пытающихся без веры в живую душу человека создать человеческое счастье. Счастье может строиться только из бескорыстного, чистого добра, из любви к Богу и человеку.

**Иоанн Сан-Францисский
(Князь Дмитрий
Шаховской)**

Вечный Алик

Зная, о ком пойдет речь, почему-то первым делом представляется маленькая, лет пяти, девочка в светлом платьице, которая, кого-то поджидая, сидит во дворе на скамейке, весело болтая ножками в красных туфельках...

А это — лаборатория в одном из городских НИИ... За столами сидят его сотрудники. Кто-то глядит в установленный перед ним микроскоп, кто-то пишет какой-то доклад, а этот человек что-то подсчитывает с помощью логарифмической линейки... Постепенно на первом плане появляется спина мужчины в пиджаке. Подперев голову, он, очевидно, размышляет над каким-то своим докладом... Но нет, камера объезжает его, тормозит, и зритель видит, что мужчина за столом просто спит. Это Алик, сорокалетний научный сотрудник. Слышно, как кто-то рядом, смеясь, тихо говорит ему, что его снимают на камеру...

Алик — бездарный и ленивый. Но живет и работает ему хорошо. Вот уже семь лет он умудряется заниматься в НИИ более или менее достойную должность и получать оклад.

Алик — друг детства начальника этой лаборатории Федорчука. Когда-то их родители жили в одном доме, их сыновья ходили в одну школу, в один класс. Федорчук был всегда способным и активным. Он дружил с Аликом, помогал тому выполнять всякие домашние задания. Оба поступили в один и тот же институт. Федорчук учился на повышенную стипендию, Алик сдавал сессии с трудом. После «красного» диплома Федорчук попадает в данную лабораторию, Алик, согласно направлению, — в цех на завод, где ему приходится туго. Через несколько лет Федорчук защищает кандидатскую и занимает должность ушедшего на пенсию начальника лаборатории. Зная от Алика, что его тяготит заводской шум, он, хлопотав, переводит его в свою лабораторию, где тому должно быть легче и спокойнее.

Алик — бездельник. Но он не нахальный бездельник. Например, он выполняет все поручения: пишет кому-нибудь из сотрудников поздравления с Днем рождения, с 8-м марта, или выступает на рабочем собрании со своим докладом о вреде опозданий... Он всегда говорит жен-

щинам комплименты, всегда готов угостить на работе каким-нибудь принесенным из дома деликатесом. Вот почему Алика любят, прощают ему безделье. Ведь он никому не мешает и даже наоборот — с ним на работе как-то даже уютно. Он разговорчив и при этом, бывает, что иногда очень даже занят. Например, на его столе постоянно красуется открытый альбом «Атлас сталей». Алик помещает в атлас предоставленные ему местной библиотекой фотографии структур различных марок сталей и аккуратно размещает под ними найденные в справочниках соответствующие надписи...

Вот почему Алика любят. Он разговорчив, любит рассказывать на работе всякие случаи, например, как один его знакомый выиграл в лотерею «Спортлото», делится впечатлениями от увиденных дома телепередач... Да, этого человека-бездельника любят, в то время как умного трудягу по фамилии Углов, вечно недовольного своей работой и работой других, который может нагрубить женщине и даже нахамить начальству, не любят... Углов презирает Алика, хотя тому до лампочки, что Углов вечно не подстрижен, ходит на работу в старом поношенном костюме в отлучки от Алика, всегда ухоженного, в светлых рубашках, чистого, свежего, на которого приятно глядеть...

Еще Алика сослуживцы любят за то, что часто отмечают свои праздники у него дома, а это — большая квартира, культурная обстановка, приветливые хозяева... Алик очень гостеприимен. У него всегда есть что-то в «барчике». Это слово «барчик» — любимое его слово. Сам Алик не пьет, а угостить всегда рад. А как же?! После того, как ты побываешь у него в гостях, устраивать ему на работе скандал по поводу его безделья просто неприлично. Кстати, на институтских спортивных соревнованиях он послушно бегаёт на лыжах, хотя сам по себе неспортивный...

Алику хорошо и дома, где он живет с женой и ее родителями. Он очень удачно женился. Красивая, ухоженная жена — заведующая отделом в ближайшем гастрономе, свекор — ветеран войны, опять же нормальная незаметная теща. У родителей за городом дача, сад, огород... Единственно, чем Алик недоволен, так это тем, что мало зарабатывает, но он понимает, что от Федорчука это не зависит — тот давно бы хотел поспособствовать его повышению, но понимает — для такого подарка он еще недостаточно повзрослел...

Тем временем свекор Алика — с его известными привилегиями ветерана войны — покупает машину. У самого него здоровье слабое, а машина нужна — ездить на ту же дачу. У большинства сотрудников нет своих машин, вся надежда на Алика, который, конечно же, рад машине, о которой давно мечтал. Удача сама идет от све-

кра ему в руки... Алик записывается на курсы водителей. В лаборатории его поздравляют — Алик наверняка по этому случаю устроит выпивку, а главное, будет возить их на машине за грибами. Только и разговоров: «ему очень пойдет сидеть за рулем... Я представляю Алика за рулем...». Заниматься надо днем. Алик пропускает работу или уходит на водительские курсы после обеда, и та же табельница ставит ему в своем журнале «рабочий день». Все очень переживают за Алика. Федорчук, конечно же, первый помогает ему — в свободное время объясняет правила вождения.

Но вождение машины — это не труд в лаборатории, за тебя никто машину вести не будет. Алик не может сдать вождение с первого раза. Все в лаборатории за него переживают. И вот, поднадоевший в автошколе Алик, наконец — то получает водительские права.

Дома он устраивает празднование. Все Алика поздравляют, желают... На столе очередные закуски, напитки... Теперь у Алика есть всё — жена, квартира, работа, дача, машина... Впереди решение очередных задач, одна из них — сбавить свой вес, когда на работе наметится его «повышение»... Тут ясно одно — все будет...

И вот осень, дача, машина, в воскресенье возвращение в город. В машине возвращаются домой жена с родителями, сам Алик за рулем, на багажнике корзина с созревшими яблоками... Алик ведет машину, вцепившись в руль. Он явно не создан для того, чтобы ею управлять, да еще с ее длинным прицепом. Но машина — это мечта его, его семьи, его лаборатории... Вдруг Алик видит, что навстречу ему по шоссе мчатся «Жигули». Если бы Алик мог в эти минуты рассчитать, то сумел бы быстро

сориентироваться, сбавил бы скорость и пропустил «Жигули... Или, наоборот, быстро бы проскочил перед «Жигулями» или свернул бы на обочину. Но Алик растерян, он не знает, что делать, и продолжает тупо, на прежней скорости нестись вперед...

Грохот столкнувшихся машин... В одной шевелится свекор, сам Алик еле приподнял голову над рулем — у него сотрясение мозга, перелом бедра... А в другой машине ехала на свой дачный участок молодая супружеская пара с пятилетней девочкой в красных туфельках. Что с парой —

и есть машины почти у всех. Как такое получилось? Автор рассказа этого читателю не объясняет. Но зато правильно пишет, что «Алик — вечный». Оглянитесь вокруг, и вы увидите множество таких же «Аликов» из прежних беззаботных времен. Кажется, их теперь даже стало больше. Потому что сегодня на работу можно вообще не ходить, статьи о тунеядстве в УК больше нет. «Алики» получили в наследство от родителей и тещ квартир, дачи и машины. Могут сдавать недвижимость и спокойно жить в свое удовольствие, как жили в советские времена описанные в рассказе «Алики».

Но в чем же тогда мораль этого рассказа? А в том, что нет никакой разницы, какой строй на дворе: социализм или проклинаемый прежде капитализм. Ведь сам-то «Алик», действительно, всегда вечен. «Нонешнее» поколение советских людей будет жить при коммунизме. Обещал нам в свое время Леонид Ильич. А что? Некоторые уже и живут...

Об авторе

Эмилия Ароновна Кундышева — российский писатель и журналист.

Окончила Ленинградский политехнический институт, по профессии физик. Несколько лет работала инженером.

Первая публикация — в 1975 году — рассказ «В пятницу — к маме» — в сборнике «Молодой Ленинград». В 1984 вышла книга детских рассказов в издательстве «Детгиз» «У меня к тебе одна просьба», в 1989 в издательстве «Советский писатель» вышел сборник взрослых рассказов «Колдуньи».

Многие рассказы печатались в журналах «Аврора», «Нева». В 1994 в серии «Православные святые» вышла книга о св. Ксении Петербургской «О чем ты плачешь, Андрей Федорович?». Как детский писатель печаталась в журналах «Мурзилка», «Искорка», «Костёр»... Рассказ «У меня к тебе одна просьба» вошел в школьный учебник по литературе для внеклассного чтения.

С началом перестройки, с 1992 года, стала заниматься журналистикой. Публикации в «Общей газете», в газетах «Литератор», в «Новой газете», «Комсомольской правде», «МК в Питере», «На Невском», «PULS», в журнале «Город 812»... Последняя — в жанре прозы — рассказ, посвященный Шарлю Бодлеру, напечатан в 2012 году в газете «Аномалия».

Из-за отсутствия сегодня читательского интереса к новым печатным книгам прозы автор предпочитает работать в СМИ, создавая документальные тексты на злобу дня в жанре художественных очерков.

точно неизвестно, а вот что касается девочки — в больнице сообщили, что это была последняя поездка в ее жизни...

Финал. Та же лаборатория. Сотрудники занимаются своими делами. При этом тихо говорят, что в выходные им предстоит навестить Алика. Он недалеко — в колонии за городом. Ему предстоит отбывать срок — пять лет... Федорчук сообщил, что Алик хорошо там устроился — работает корректором в лагерной стенгазете... Его место за столом временно занимает неизвестный худенький человек в очках. О пока отсутствующем Алике кто-то из сотрудников однажды сказал: «Алик вечный...».

Эмилия Кундышева

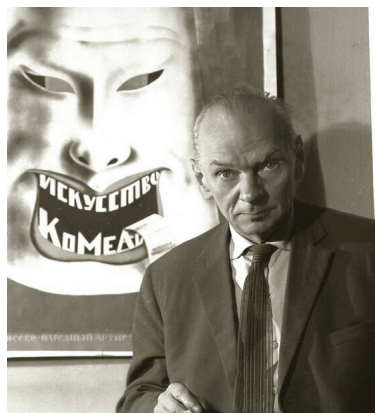
Послесловие

Для нашего времени этот рассказ, наверное, давно устарел. Нет уже в новой России таких лабораторий и таких НИИ, как в СССР, где можно было годами сидеть, получать зарплату и ничего не делать. Но зато в нашей стране не было безработных. А теперь безработные есть, но

Как режиссер Акимов Сталина рассердил

В апреле исполнилось 125 лет со дня рождения Николая Акимова, выдающегося театрального режиссера и художника, чье имя носит петербургский Театр комедии. К этой дате театр открыл выставку, основу которой составили предметы из семейного архива Акимовых — в том числе те, что ранее не выставлялись в музеях и не публиковались. Посетители смогут проследить эволюцию стиля художника и отдельных созданных им образов по черновикам эскизов костюмов и декораций, увидеть редкие плакаты и афиши к спектаклям. Он и, позднее, блистательный Георгий Товстоногов, превратили город на Неве в театральную столицу страны. Но времена были строгие и несмотря на то, что именно Акимов создал в Ленинграде прославленный Театр комедии, в его творческой биографии были печальные страницы.

Родился будущий народный артист СССР в Харькове, в семье железнодорожного служащего. В 1910 году семья переехала сначала в Царское Село, затем в Санкт-Петербург, где отец работал в правлении железной дороги. С 1914 года Николай учился в Санкт-Петербурге изобразительно-искусству в Вечерних рисовальных классах Общества поощрения художеств. Брал уроки в частной студии, занимался в Новой художественной мастерской. В 1918 году, прервав учебу, поступил на работу в мастерскую плаката Пролеткульта в Петрограде, но вскоре, «гонимый голодом, холодом, разрухой, нуждой», уехал в Харьков.

В 1921 году Акимов начал работать в качестве художника в Первом Государственном театре для детей. Первой его театральной работой стало оформление спектакля «Подвиги Геркулеса» А. Белецкого. Но осенью 1922 года он вернулся в Петроград, поступил во ВХУТЕМАС. С трудничал с театрами. В 1927 году в издательстве «Academia» вышел небольшой сборник, посвященный Акимову, — художнику было всего 26 лет. Его работы были представлены на проходившей в Академии художеств выставке театрально-декорационного искусства, наряду с картинами ведущих ленинградских художников.

А с 1929 года он работал уже и как театральный режиссер и быстро добился успеха. В 1935 году Акимов стал художественным руководителем Ленинградского Театра Комедии, который ныне носит его имя. Тонкое остроумие, богатство режиссерской фантазии в сочетании с блестящим оформлением спектаклей Акимова выдвинули его театр в число лучших в стране. Но сделать это было не просто. Театр до его прихода владил жалкое существование, считался худшим в Ленинграде, ему грозило закрытие. Не теряя времени, Николай Павлович с азартом принялся за работу. Первым делом он сформировал новую труппу, пригласил мо-

лодых артистов, с которыми работал в своей театральной экспериментальной студии.

Как считают работавшие с ним, Акимов был невероятно талантливым и образованным человеком. А дружба худрука с Евгением Шварцем подарила зрителям замечательный спектакль «Тень» (ставший для Театра комедии как бы своей «Чайкой»), а потом — «Дракона» и «Обыкновенное чудо». Когда грянула Великая Отечественная война, в театре сыграли сатирическое обозрение «Под липами Берлина», срочно написанное Зоценко и Шварцем, а потом, уже в блокаду, — «Питомцев славы». Оказавшись в эвакуации, поставленный театром «Дракон» стал мощнейшим ударом по фашизму.

О остроумии, смелости и независимости от любого начальства Акимова ходили легенды. Его никак не могли уговорить вступить в партию, что в те годы для руководителей такого уровня было обязательным. А вот несколько его смелых для тех времен экспромтов: «Когда вешаешь плакат «Дорогу молодёжи!», старайся расположить его вдоль дороги, а не поперёк». О МХАТ: «Театру, достигшему совершенства, уже ничем нельзя помочь!» Правило хорошего тона: «Если ты ставишь скучные спектакли, будь человеком и печатай на обороте программки кроссворды».

Николай Павлович был еще и замечательным художником, сам писал эскизы костюмов, подбирая актеров, обсуждал с реквизиторами даже самые незначительные детали постановок. Нарисованные им театральные афиши стали шедеврами. Но, увы, в разгар своего театрального триумфа Николая Акимова поджидала беда, которой он не ждал. Его из театра самым буквальным образом выгнали, набранные тиражи его книг и статей рассыпали, и вообще никуда на работу не брали. Причем, почему это произошло, все говорить в те годы опасались. О том, что же случилось много лет спустя рассказал в своих воспоминаниях драматург Самуил Алешин.

Беда пришла откуда не ждали

«А произошло вот что, — писал он, рассказывая, что дело было во время гастролей акимовского театра в Москве, где его тоже очень любили. — Для гастролей им дали филиал МХАТа. Играли они в тот роковой вечер «Путешествие месье Перришона». Веселая, неприязательная французская комедия Лябиша, где всем на радость по сцене прыгали актеры в серебря-

ных панталонах, фраках и цилиндрах, а сильно декольтированные прелестные актрисы покоряли зал рискованными наклонами корпуса. Повторяю, зритель был в упоении, и все, без сомнения, окончилось бы ко всеобщему удовольствию, если бы на спектакль неожиданно не приехал Сталин. Почему? А потому, что в этот августовский вечер 1949 года Сталин намеревался посетить МХАТ, где на основной сцене гастролировал один из ведущих театров среднеазиатской республики с пьесой на революционную тему. Но произошла ошибка, и Сталина почему-то привезли в филиал. А буфет для вояж — во МХАТ. Короче, когда Сталин увидел, что происходит на сцене, а буфета

лился на улице Вахтангова, в квартире режиссера вахтанговского театра Александры Ремизовой. Жить было не на что. Пришлось продать автомобиль и начать распродажу книг.

«И вот тут, — вспоминал С. Алешин, — этот небольшого роста человек показал себя истинным богатырем духа. В тяжелой ситуации он продолжал работать — стал сам для себя рисовать эскизы декораций к спектаклям, которые так и не удалось, но хотел бы поставить. И писал портреты разных людей».

Потом был случай, когда Акимов получил приглашение на очередное заседание комитета по Сталинским

Н. Акимов. Эскиз к спектаклю «Дракон»

нет (понимаю, что не в буфете суть, но все же), он, не досмотрев спектакля, возмущенно покинул театр. Представляете, каково было артистам доиграть спектакль? И вообще, что началось после этого?»

Вскоре в «Правде» появилась разгромная статья, где Акимова обвиняли в космополитизме и формализме. В Ленинграде на общем собрании труппы те же артисты, которые до того неизменно выражали Николаю Павловичу обожание, стали признаваться, что еле его терпели. В результате Акимов был отстранен не только от руководства, но вообще изгнан из театра. Все договоры на постановки и оформление спектаклей в других театрах расторгли, хотя до того театры наперебой за ним гонялись и упрашивали хоть что-нибудь поставить и оформить. Статьи, отданные в журналы, сняли, набор книги, готовящейся к изданию, рассыпали. «Не мелькай, не мозоль глаза, сгинь от греха подальше», — так посоветовали ему местные руководители. Он и исчез — уехал в Москву, где посе-

премиям, членом которого он состоял. Он поделился: как быть? Пойти, нет? Что это — ошибка или начало реабилитации? Не пойдешь — сочтут за фронду и упустишь шанс. Пошел. Оказалось, ошибка. Просто секретарша разослала приглашения по списку, где забыли вычеркнуть Акимова. Он явился — и у всех прочих членов комитета, как у чеховских чиновников, чуть от испуга сами собой не развязались галстуки. Тяжко было смотреть, как эти члены делали вид, что смотрят куда-то вбок, вдаль, вверх, куда угодно, только не на него. Благо, Акимов небольшого роста, и глядеть поверх него было нетрудно. Улучив минуту, Акимов, ко всеобщему облегчению, незаметно исчез. Так продолжалось до 1950 года...

И вдруг Акимова вызвали в Ленинград, где предложили возглавить Новый театр. Он к тому времени погубил и держался лишь на том, что имел огромный буфетный зал, куда можно было попасть, только купив билет на спектакль. Публика, в большинстве, дальше этого буфета и не ходила —

спектакли шли при почти пустом зрительном зале. И Акимову мило- стиво разрешили вытаскивать этот театр из прорыва. Но в Горьком поставили при этом условие: «Только без формализма и без баб». Что до формализма, то Акимов обещал, что его на дух не будет. А по части баб — тут Акимов выразил полное недоумение: дескать, даже не понимаю, о чем разговор.

Триумфальное возвращение

Итак, Акимов уехал в Ленинград, где ему удалось вытянуть Новый театр. Теперь уже трудно было достать туда билеты, и местное начальство даже в связи с этим решило присвоить театру имя Ленсовета. А вот театр Комедии совсем захирел. Прежде обожаемый в Ленинграде, да и на любых гастролях, он теперь проваливал спектакль за спектаклем. И вот те же артисты, которые боготворили Акимова «до» и предали «после», теперь пришли к нему на поклон, умоляя вернуться в театр. Ленинградское начальство, которое изгнало Акимова оттуда, теперь присоединилось к желанию артистов.

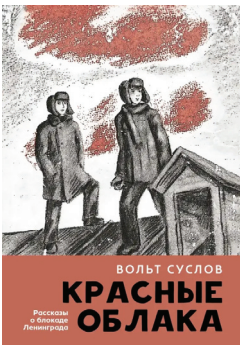

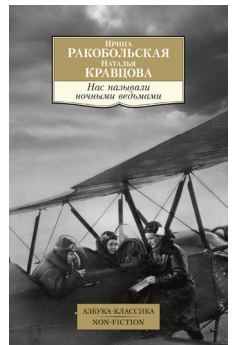

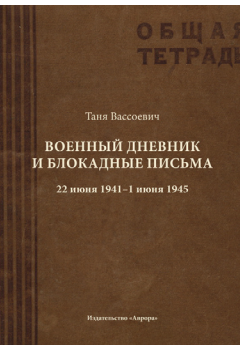
Режиссер колебался. Но этот театр был все же его детищем. Даже марка — афишный символ театра — была нарисована Николаем Павловичем. И в 1956 году Акимов вернулся. После его возвращения рядовому зрителю попасть в Театр Комедии было уже практически невозможно. Им было поставлено множество отличных спектаклей, в основу которых легли произведения как русских, так и зарубежных классиков. Как и в прежние годы, все постановки имели оглушительный успех.

Николая Павловича Акимова не стало 6 сентября 1968-го года, когда ему было 67 лет. «Знаете, как я умру? После спектакля приду домой, надену пижаму, улягусь на кровати с французским романом — и умру», — говорил Акимов. Так оно и получилось...

Николай Петров

«Книжная лавка писателей» предлагает

<p>Сергеева И. «Помню 9 мая»</p> <p>Стихи и проза о Войне и Победе. Книга Ирэны Сергеевой, известной петербургской поэтессы, родившейся в Ленинграде в 1936 году, посвящена Победе в Великой Отечественной войне.</p>	<p>Озаровский Н. «Линкоры Ладоги»</p> <p>Капитан Озаровский командовал канонерской лодкой «Бурей», а затем дивизионом канонерских лодок на Ладоге. В годы войны капитан вел дневник, который стал основой этих уникальных, почти документальных воспоминаний.</p>	<p>Зайцев В. «За Волгой земли для нас не было»</p> <p>Василий Григорьевич Зайцев — участник Сталинградского сражения, знатный снайпер, организатор снайперского движения в 62-й армии. В своих записках он рассказывает о школе боевого мастерства и раскрывает перед читателями секреты снайперского искусства.</p>
<p>«Ленинград. Война. Блокада. ПОБЕДНЫЕ ЗАЛПЫ»</p> <p>В книге представлены уникальные документы из коллекций Центрального архива Министерства обороны и его филиалов, охватывающие период с осени 1944 до весны 1945 г., когда Ленинградский фронт продолжил наступление на территории Прибалтики.</p>	<p>Васильев В. «Паша — район прифронтовой»</p> <p>Продолжение исторического романа Владимира Васильева. Автор выводит из небытия людей, которые совершали подвиги на фронте и в тылу. Перед читателем предстает подлинная картина военного времени.</p>	<p>В. Сулов. «Красные облака»</p> <p>В начале войны писателю Вольфу Сулову было 14 лет. Его рассказы — это воспоминания подростка о детстве в блокадном Ленинграде.</p>
<p>Рац С. «Огненные рубежи Ленинграда. 1941»</p> <p>Автор предпринял попытку заполнить малоизвестные страницы истории сражений за Ленинград 1, 20, 21 дивизий НКВД осенью 1941 года. На основе архивных документов, воспоминаний ветеранов войск НКВД, научных исследований автор в художественной форме рассказал, как дивизии НКВД остановили врага на самых острых направлениях.</p>	<p>«Священная война. Стихи и песни»</p> <p>В эту книгу о священной войне за освобождение своей страны вошли стихи и песни лучших поэтов: С. Михалкова, С. Маршак, В. Лебедева-Кумача, А. Твардовского, К. Симонова, Л. Ошанина, Ю. Друниной и других.).</p>	<p>Гранин Д., Адамович А. «Блокадная книга»</p> <p>Основанная на интервью с очевидцами, документах, письмах, эта великая книга остается самым подлинным, ярким свидетельством блокадных лет, книгой, которую должен прочесть каждый.</p>
<p>Ракобольская И., Кравцова Н. «Нас называли ночными ведьмами»</p> <p>Эта книга посвящена легендарному 46-му гвардейскому Таманскому, дважды орденоносному полку ночных бомбардировщиков. В истории Великой Отечественной войны этот полк известен как «ночные ведьмы»: в нем служили только женщины — от командира полка до техника.</p>	<p>Каралис Д. «Коридором бессмертия»</p> <p>Книга посвящена операции по снабжению блокированного Ленинграда после прорыва блокады. Архив воспоминаний, тайно собранный самими железнодорожниками после войны, является документальной основой книги.</p>	<p>Вассоевич Т. «Военный дневник и блокадные письма»</p> <p>Эта книга — уникальный военный дневник ленинградской школьницы Тани Вассоевич, которая была в числе тех, кто пережил самую страшную блокадную зиму 1941–1942 годов. С самого первого дня войны до победного мая 1945 года Тania вела записи, которые замечательны ещё и тем, что содержат множество цветных рисунков.</p>